

A woman in a red flight attendant uniform, including a matching cap and scarf, is shown in profile, talking on a black telephone. She is looking upwards and to the right. The background is a plain, light-colored wall.

Елена Фёдорова

**Расскажите,
тоненькая
бортпроводница**

Повесть

Елена Фёдорова

**Расскажите, тоненькая
бортпроводница. Повесть**

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Расскажите, тоненькая бортпроводница. Повесть / Е. Фёдорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854585-6

В основу повести легли реальные факты. 1980 год. Москва готовится к Олимпиаде. Москвичка Оля Верещагина, услышав объявление о том, что авиакомпания «Аэрофлот» ведет набор в службу бортпроводников, решает стать стюардессой. В приемной комиссии она знакомится с прославленной военной летчицей командиром звена Ночных ведьм Марией Николаевной Поповой. Олю ждут полеты через океан, аварийные ситуации, мистические встречи, предательство, отчаяние, крушение надежд и смерть близких...

ISBN 978-5-44-854585-6

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

От Автора	7
Сон	11
Ипподром	14
Полёты	25
Ночная ведьма	40
Работа	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Расскажите, тоненькая бортпроводница Повесть

Елена Фёдорова

Корректор Вячеслав Фёдоров

© Елена Фёдорова, 2017

ISBN 978-5-4485-4585-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Елена Ивановна Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России, член Интернационального союза писателей, драматургов, журналистов и Международной гильдии писателей, Почетный работник Культуры города Лобня, автор около двухсот песен для детей и взрослых, тридцати шести книг на русском (девять из них для детей) и трёх на английском языке.

Финалист Национальных литературных премий «Дама фантастики 2017», «Писатель года 2014», включена в список сто лучших писателей. Первое место в конкурсе поэзии им. Марины Цветаевой, вторые места в конкурсе стихов о Великой Отечественной Войне и конкурсе поэзии Иннокентия Анненского.

Специальная премия V фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За крупный вклад в детскую литературу», диплом Международной литературной конференции по вопросам фантастики РосКон «За крупный вклад в детскую и фантастическую литературу», медали имени Мацуо Басё и Семёна Надсона, диплом Антуана Сент Экзюпери, сертификат участника Международной писательской конференции в Нью-Йорке. Стипендиат Губернатора Московской области в номинации «Выдающийся деятель искусств».

Проект песен для детей «Золотая страна» в соавторстве с композитором Вячеславом Гридуновым стал Лауреатом конкурса Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Забота о детях».

Работала стюардессой международных линий Аэрофлота, тележурналистом ТРК «Лобня».

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

Человек смотрит в книгу, как в зеркало. Видит там себя. И интересно: один видит добро и плачет, а другой видит тьму и злится... На основе одних и тех же слов!

Роль автора состоит в том, чтобы не стремиться пробуждать чувства, а не иметь возможности уйти от этих чувств. Быть их пленником, пытаться выбраться, наконец, что-то написать и освободиться. И, возможно, тогда мысли, ощущения осядут в тексте. И возникнут заново, стоит только другим глазам (понимающим) впиться в строчки.

Людмила Петрушевская.

От Автора

У меня стюардесса всегда рифмовалась с принцессой. Представлялось, что где-то, в волшебном замке, который скользит по небу, царствует неземное создание. Во дворе мы неизменно играли в чудо-принцесс – стюардесс, ничего не зная об этой профессии.

Стюардесса – принцесса нездешняя
Нас с улыбкою встретит у входа
Серебристо-белого лайнера
Самолета Аэрофлота.

С ней рассыплется время полетное
На сверкающих бусин каскад.
– Кто вы: фея, волшебница или же?
– Стюардесса! – глаза, точно звезды блестя.

Все умеет принцесса-странница,
Всем успеет она угодить.
Не устанет в салон с улыбкою,
Как на подиум выходить.

Чаровница? нет, просто женщина
По салону легко пройдет
И воздушным дворцом становится
Наш обычный, простой самолет...

Потом, как гром среди ясного неба, сообщение о гибели Надежды Курченко, которая ценой собственной жизни спасла жизнь пассажирам. Она предотвратила захват самолета, закрыв вход в пилотскую кабину собой...

Умирать, конечно, никто из нас не хотел. Нам хотелось повидать разные заморские страны, о которых мы, дети шестидесятых, слышали невероятные сказки. Еще хотелось побывать на нашем заснеженном Севере, где белые медведи, вечная мерзлота и юрты. Про юрты думалось, потому что папа был врачом и служил в военной авиации на Севере. Мама тоже была врачом. Она лечила местных жителей – чукчей, которые жили в юртах и жутко боялись воды. Они никогда не мылись и считали людей с материка своими врагами. Жить на Севере было непросто, но мои родители дали клятву Гиппократу и были верны ей всегда. Среди ночи они поднимались и шли помогать тем, кто нуждался в медицинской помощи.

Вы клятвой Гиппократу однажды поклялись,
Чтоб людям на планете дарить любовь и жизнь.
Дорогой милосердия идти вам до конца.
Пусть бьются в ритме века ваши сердца...

Вот такие стихи я написала в память о родителях. Сегодня – это вальс медицинских работников, который поют в нашем городе Лобня и за его пределами. А в далеком детстве мы с сестрой мечтали, строили планы, фантазировали, не подозревая о том, что если есть настоящая мечта, то она непременно сбудется – таково правило всех настоящих мечтаний.

Много позже я поняла, что у меня была настоящая мечта, потому что она сбылась. Сестричку мою в стюардессы не взяли из-за плохого зрения. Зато она закончила МГИМО и работала в торгпредстве в Иране.

Когда после школьного выпускного бала, я сказала бабуле, что хочу летать на самолетах, она всплеснула руками, долго-долго крестилась, молилась несколько ночей кряду, а потом, облегченно вздохнув, проговорила:

– Ладно, ступай. К Господу ближе будешь.

Я расцеловала ее в морщинистые щеки и помчалась в службу бортпроводников. Но оказалось, что одного бабушкиного благословения мало, что предстоит еще пройти бесконечное количество парткомов, собеседований, проверок и т. д.

Прохождение творческих туров в Щукинское театральное училище мне теперь вспоминалось, как приятное времяпрепровождение. Подумаешь, конкурс тридцать человек на место. Подумаешь, басня, проза, творческий этюд. Да это же пустяки.

Вы попробуйте пересказать без запинки содержание всех партийных съездов, назубок выучить географию родной страны и стран социалистического лагеря, рассказать обо всех существующих в Москве памятниках, а потом назвать поименно всех павших героев... Это не шутки, а реальность, которую мы воспринимали с полной ответственностью.

Мы жили в стране, под названием Советский Союз, поэтому легких путей не искали. Мы твердо знали: за все надо бороться, и боролись. «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – вот такие прекрасные слова придумал для нас писатель Николай Островский. Павка Корчагин был героем, на которого равнялась вся страна.

Когда комиссии, парткомы и проверки остались позади и, казалось, что можно облегченно вздохнуть, вступила мелодия судьбы, ну знаете, как у Бетховена: «Па-па-па-па!», а строгие начальники службы бортпроводников сообщили:

– Вы все (восемнадцать девчонок и двое ребят) получили вызов на работу. Но учеба на курсах бортпроводников начнется только через полгода. За это время вы должны (приготовьтесь загибать пальцы): отработать на строительстве общежития для работников Аэрофлота, побывать на сборе картофеля в совхозе или колхозе, потом сортировать этот картофель на плодоовощной базе (тогда все сортировали. Один профессор вкладывал в пакетики листочки со своей фамилией и ученой степенью – сейчас этим листочкам дали название «визитные карточки» – чтобы гражданам было приятнее вкушать картофель, которого касались профессорские руки), а летом всем придется быть посудомойками в пионерском лагере!!!

За полгода мы становились специалистами широчайшего профиля, умели все: и гвозди забивать, и на гитаре играть и крестиком вышивать, и детишек нянчить... Скорее всего это было нужно потому, что профессия стюардессы многогранна: ты и актриса, и психолог, и политик, и няня, и строгий наставник, и добрый собеседник, и просто очаровательная русская женщина, которая может почти все «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!»

Так начинался мой небольшой рассказ о стюардессах, который был напечатанный в 2000 году в книге «У Турмалиновой реки». Но мне хотелось расширить рамки повествования, хотелось внести в него нечто такое, что заинтересовало бы читателей, помогло узнать больше о красивой небесной профессии СТЮАРДЕССА.

Просто рассказывать о профессии скучно, но если мы говорим: доктор Чехов, поэт Марина Цветаева, писатель Борис Пастернак, штурман Марина Раскова, стюардесса Надя Курченко, то профессия приобретает иной оттенок, становится живой, вызывает настоящий интерес. Мы видим человека в профессии. Мы сопереживаем и радуемся вместе с ним, делаем выводы, узнаем нечто новое, неожиданное.

Героями моей повести стали реальные люди, которые живут рядом с нами и участвуют в бесконечной, многоактной пьесе под названием «ЖИЗНЬ».

Повесть не является автобиографической. В ней нет строгой документальной хронологии и сухой статистики, нет сенсационных разоблачений и прочего, о чем рассказывают в анекдотах. Она скорее похожа на калейдоскоп, в котором постоянно меняются мозаичные рисунки.

Материал я собирала долго и тщательно по крупицам, по каплям, а потом из капель получился маленький, прозрачный ручеек, который, возможно, кто-то найдет и захочет из него напиться...

Я с тобою не встречусь в Париже,
И в Милане, и в Риме не встречусь.
И в кафе при свечах мы не сможем
Провести романтический вечер.

Час стоянки – не так уж много,
Чтоб на все вопросы ответить.
Приезжай, если хочешь, в Россию,
Чтоб меня после рейса встретить.

Нелегко любить стюардессу.
Это так, я с тобой согласна.
Каждый день полёты, полёты,
Приземлится когда, не ясно.

Может всякое в рейсе случиться,
Ей другой понравиться может,
И тогда не заманишь Парижем,
И Миланом и Римом тоже.

И придётся в Москву тебе мчаться
И весь рейс повторять признанья,
Чтобы юная стюардесса
Согласилась прийти на свиданье.

Чтобы стала она земною,
Никуда бы не улетала.
Пусть недолго, пускай на время.
Мы потом всё начнем сначала...

стюардесса Елена Фёдорова.



Большое спасибо прославленной военной летчице командиру звена «Ночных ведьм» Марии Николаевне Поповой и стюардессе Галине Залогой за предоставленные материалы.

Расскажите, тоненькая бортпроводница,
Что заставило с небом вас породниться?
Это так нелегко в вечном шуме моторов.
Это так далеко от того, кто вам дорог.
Вам не страшно?
Она говорит бесшабашно:
– Ну и что из того. Я люблю, когда страшно!
Но я так высоко в вечном шуме моторов,
И мне так нелегко без того, кто мне дорог...

1

¹ Эти стихи поэт Лев Ошанин подарил двум стюардессам Татьянам.

Сон

Мы долго-долго поднимались вверх по темной, широкой лестнице. Он крепко прижимал мою руку к своему боку. Я чувствовала тепло его тела и счастливо улыбалась. Мне было совсем не страшно идти в полной темноте вверх по широкой лестнице, которая, казалось, никогда не закончится. Эта темная лестница существовала сама по себе. Она возникала из ниоткуда и поднималась вверх. А мы зачем-то упорно поднимались по ней. Мы шли молча, совсем не испытывая при этом никакого дискомфорта. Наоборот – наше молчание было неким тайным знаком. Оно существовало на уровне подсознания и связывало нас сильнее, чем все слова произнесенные человечеством.

Я чувствовала, как бьются наши сердца, какими горячими становятся руки, и желала идти по темной лестнице вечно. Но она вдруг закончилась огромным освещенным проемом, обрамленным белыми, широко распахнутыми створками.

Мы замерли на самом краю лестницы, упирающейся в небо. Позади нас была холодная темнота, а прямо перед нами бескрайний воздушный океан, по которому носились веселые барашки кучевых облаков. Солнечные лучи протянули свои теплые ладошки и погладили нас по щекам.

Я глянула вниз и увидела мягкий ковер ромашкового поля. Бело-желтые ромашки чуть вздрагивали от легкого ветерка, поворачивая свои макушки к солнышку. Казалось, что они совершают какие-то замысловатые танцевальные «па». Вокруг ромашкового поля стояли молодые березки и перешептывались, шелестя свежими, только что распустившимися листочками. Птицы выводили фантастические рулады, а воздух был пропитан таким густым весенним ароматом, что у меня закружилась голова, и я выдохнула:

– Это все не реально!

– Это все более чем реально, – проговорил мой спутник. – Мало того, мы с вами можем обладать этой красотой, если захотим.

Он немного помолчал, потом назидательным тоном добавил:

– У людей всегда есть право выбора. Всегда! Просто зачастую они принимают неправильные решения, идут не туда, куда надо.

Он смотрел на меня и улыбался. Я понимала, что вижу его впервые, и мысленно задавала себе массу вопросов: «Почему я оказалась с незнакомцем на этой странной темной лестнице, ведущей в небо? Кто он такой? Что ему от меня надо?» Но страха в душе не было, и я рассматривала незнакомца с нескрываемым любопытством.

Он был высоким, широкоплечим весьма привлекательным молодым человеком. Его темно-русые, волнистые волосы были аккуратно подстрижены. Загорелое широкоскулое лицо. Прямой нос со слегка расширенными ноздрями. В мягкой бороде прячутся улыбающиеся губы. А в больших карих глазах отражаются березы, ромашки, солнце и еще что-то знакомое и родное.

– Вы, вы будете моим мужем! – радостно выпалила я, глядя незнакомцу в то место в бороде, где прятались улыбающиеся губы.

Борода зашевелилась, обнажив белые ровные зубы. Губы вытянулись в трубочку, выпускающая наружу слова:

– Вы, верно, шутите, сударыня?

– Нет, я говорю вполне серьезно.

– Тогда позвольте вас спросить: разве вы не боитесь испытаний? – его голос звучал сразу и снаружи и внутри меня, и от этого было весело на душе.

– Ис-пы-та-ний, – проговорила я, совершенно не желая думать ни о чем. Мне просто хотелось слушать его голос, смотреть, как шевелится его борода, обнажая белоснежные зубы, а губы выпускают наружу слова.

– Да, да испытаний, – повторил он строго.

Я подняла голову, глянула в его ставшие серьезными глаза, и поняла, что про испытания он не шутит.

– Не боюсь! – решительно выпалила я. – Не боюсь совершенно!

Он укоризненно покачал головой:

– В глубине души вы боитесь. Однако не хотите признаваться.

– Я не боюсь! – почти выкрикнула я.

– Не боитесь сейчас, пока я рядом с вами, – очень спокойно произнес он, глядя в голубое небо. – Но наступит время, когда вам придется одной подняться по этой лестнице. Я привел вас сюда, чтобы вы поняли простую истину: тьма неизменно отступает перед светом. Всегда есть надежда на спасение. Всегда есть выбор: идти вперед к свету или остаться на месте, опустив руки, поддавшись отчаянию, меланхолии, обиде. Не многие смельчаки решаются покорить горные вершины. А тот, кто поднялся на самую высшую точку, постигает простую истину: за счастье надо бороться.

Но счастье не следует искать слишком далеко, потому что оно может быть в легком дуновении ветерка, в пении птиц, в улыбке близкого человека, в дружеском рукопожатии, в любви и участии, в осознании того, что ты хоть раз в жизни сделал доброе дело от чистого сердца. Конечно, добрые дела надо делать постоянно. Но для большинства людей и одно доброе дело – это уже подвиг.

Вы задавали себе вопросы: зачем мы живем? Почему нам суждены страдания и мучения? В чем заключается смысл жизни? Какова формула счастья?

Я утвердительно кивнула и приготовилась выслушать ответы на вопросы, которые меня мучили, а незнакомец отвернулся.

– Вы не дадите мне ответов? – удивилась я.

– Каждый человек должен ответить на все эти вопросы самостоятельно, – проговорил он и шагнул вперед, в небо.

Я вскрикнула и прижала обе ладони к лицу. Было страшно глянуть вниз и увидеть его, лежащим в странной нечеловеческой позе. Я почувствовала, как слезы холодными струйками побежали по щекам. Я убрала ладони от глаз, чтобы вытереть соленую влагу и ахнула. Мой незнакомец шел по ромашковому полю неспешной походкой, заложив руки за спину.

Мне захотелось поскорее догнать его, чтобы снова быть рядом, ощущая странную связь на уровне подсознания. Я рванулась вниз по лестнице с радостным криком: «Подождите!» и вдруг поняла, что не знаю его имени. Я опустила на холодную ступеньку и заплакала, по-настоящему ощутив свое одиночество и беспомощность. Надо было что-то делать, принимать какое-то решение: идти вниз по темной лестнице или шагнуть в светлый проем прямо в небо, как это сделал незнакомец. Надо было сделать выбор.

Я вытерла слезы, поднялась и посмотрела туда, где несколько минут назад в светлом проеме стоял он. Но проем исчез. Впереди была только темная лестница, слегка освещенная тусклым, мерцающим светом. Я глянула вниз. Там была темнота густая, вязкая, пугающая. Она замерла, как замирают растения-ловушки, чтобы потом захлопнуться, сомкнуть свои хищные соцветия над головой ничего не подозревающих насекомых. Я прижалась спиной к холодной стене и медленно стала подниматься вверх. Темнота последовала за мной.

– Вы должны были объяснить, зачем мне все это надо? – сердито выкрикнула я в пустоту.

– Я же вам сказал, что вы будете искать ответы на свои вопросы сами, без меня, – услышала я его голос и почувствовала успокоение.

– Вы где? Почему вы так поспешно ушли? – шепотом спросила я.

– Я здесь, рядом с вами, – сказал его улыбающийся голос. Я машинально улыбнулась в ответ. – Я не оставлял вас. Я всегда буду рядом. Всегда. Главное, ничего не следует бояться. Вы же уверяли меня, что не боитесь испытаний. Или я ослышался?

Я прикусила губу. Что тут было отвечать? Если бы я создалась, что боюсь, он бы ни за что не оставил меня одну. Но мне понадобилось сказать, что я самая, самая, самая смелая девушка на планете Земля. Как мы бываем порою глупы порой, пожурила я себя.

– Я буду рядом всегда, – снова зазвучал его голос. – Только вам следует запомнить: за все в жизни приходится платить. Плата эта исчисляется не денежным эквивалентом. Все гораздо сложнее и имеет глубокий философский смысл. Смысл – это первое понятие, которое надо постичь. Вам предстоит ответить на вопросы: почему, зачем, для чего я делаю то или иное дело? Кому будет хорошо: только мне или другим?

– А почему надо всегда думать о других? С какой стати? – возмущенно выпалила я.

– Идите вперед, и все поймете, – его голос прозвучал отдаленным эхо. – Потом... все-все поймете...

Ипподром

*Давайте, будем дружить,
Дружить, если вы захотите.
Я стану вас крепко любить,
Любить, если вы захотите.
Любить любовью сестры,
Преданно, чутко, нежно...
– Как жаль, – усмехнулись вы,
А я поняла: безнадежно...*

Оля вскочила с постели за пять минут до будильника. Солнце уже светило вовсю. Птицы весело щебетали. Оля распахнула створки окна. В ноздри ударил сладкий запах сирени.

– Обожаю весну! Обожаю май! Я самая, самая, самая счастливая на свете, слышите вы, птицы? – громко закричала Оля, задрав вверх голову.

– Ты что раскричалась с утра пораньше? – в приоткрытую дверь просунулась голова Олиной мамы.

– Привет, мамуля! – Оля втянула маму в комнату и начала кружить. – Ты у меня самая, самая, самая лучшая мама на свете. И об этом должен знать весь мир...

Оля поцеловала маму и повернулась к окну, чтобы выкрикнуть еще что-то гениальное. Но мама строго сказала:

– Ты видно забыла, милая девочка, что сегодня выходной и многие люди еще спят в такую рань. Надо научиться думать о других...

– О... – застонала Оля. – Начинаются утренние нравоучения. Вот скажи мне, милая мамочка, почему я должна думать о других, когда эти другие о нас с тобой совершенно не думают? Вот вчера вечером пацаны горланили под окнами, как помоечные коты...

– Стоп, – строго сказала мама. – Ты прекрасно знаешь, что я не люблю, когда ты говоришь глупости. Ты так же прекрасно знаешь, что каждый отвечает за свои поступки, за свои слова и даже мысли. Я всегда требую от тебя чуткого отношения к тем, кто рядом. Поэтому не стоит тебе уподобляться помоечным пацанам. Одевайся и больше не ори. Мне совершенно не хочется за тебя краснеть. Поняла?

– Поняла, милая мамочка, – ответила Оля и поспешила в ванную комнату. Там она закрылась, пустила воду и запела:

– Ну и что, ну и пусть, а я все равно буду петь. Потому что я люблю весну. Потому что я люблю сирень. Потому что я самая, самая, самая счастливая...

– Потихе, все еще спят, – постучав в дверь, укоризненно проговорила мама.

Оля подмигнула своему отражению в зеркале и весело сказала:

– Подумаешь, все спят. Я же не сплю. Я уже поднялась. И мне нет никакого дела ни до кого. Верно, Оленька? – отражение улыбнулось ей в ответ, словно подтвердив, что ему тоже никакого дела нет ни до кого.

На Беговой Оля встречалась со своей верной подругой Иришкой. Девушки приветствовали друг друга радостными криками, а потом, взявшись за руки, шагали к ипподрому. Они громко смеялись, пели на ходу придуманные песни:

Люди, люди, уже утро.
Люди, люди, хватит спать.
Люди, люди, просыпайтесь.
Люди, вам пора вставать!

Стучали палками по водосточным трубам, выкрикивая:

– С добрым утром, дорогие москвичи!

Такой ритуал повторялся каждую неделю по выходным. Неизменно из одного и того же окна высовывалось сморщенное, старческое лицо, и в воздухе повисала тяжелая, грубая брань. Но повисала она ненадолго. Девчонки быстро пробежали мимо грязного окна, желая долгих лет жизни сморщенному существу, не зная, женщина это или мужчина. По голосу было весьма сложно понять. А разглядывать старческую голову не было у них никакого желания. Сморщенное, старческое лицо, высовывающееся из грязного окна, являлось частью повседневной картины, к которой девчонки успели привыкнуть так же, как люди, которые, проходя по одной и той же улице, привыкают видеть дома, деревья, фонари, но вряд ли остановятся, чтобы рассмотреть каждое дерево, каждый фонарь, каждую лужу.

Вот и для девчонок все было до банальности привычно: улица, старческий крик, веселый смех, трамвайные звонки, запах ипподрома и дядя Коля, встречающий их у ворот. Казалось, так будет всегда...

– О, твой Ален Делон нас уже поджидает, – подтолкнув Олю вперед, хихикнула Иришка.

– Он вовсе не Делон, а всего лишь Николай Всеволодович, – проговорила Оля и покраснела. Она всегда краснела, когда встречалась с дядей Колей, высоким, худощавым, черноволосым мужчиной с большими мудрыми глазами. А краснела Оля, потому что никак не могла забыть смешной случай из своего детства.

Дядя Коля – Николай Всеволодович – приходился двоюродным братом ее маме Инне Петровне. Каждое лето он вместе с женой тетей Люсей гостил у сестры Инны в деревне, где в старом бабушкином доме собирались многочисленные родственники, друзья и просто знакомые.

Однажды дядя Коля привез Оле большущую куклу и поцеловал в щеку.

– Спасибо! – она прижала куклу к груди, а потом, взяла дядю Колю за руку и громко сказала:

– Когда я вырасту, вы станете моим мужем!

Взрослые дружно рассмеялись. Оля выдержала паузу и произнесла:

– Смешного здесь ничего нет, товарищи. Пройдет лет десять, и я стану необыкновенной красавицей. Тогда всем будет ясно, что толстая, неряшливая тетя Люся совсем не пара такому красавцу, как наш дядя Коля.

– Что-о-о-о? – как моторный гудок завопила тетя Люся. – Ах ты, маленькая негодяйка! Да я тебя сейчас так отшлепаю крапивой, а потом скручу в бараний рог так, что ты никогда не сможешь вырасти и стать красавицей. Ты навсегда останешься глупой, негодной соплячкой, которую никто замуж не возьмет...

Тетя Люся еще что-то кричала. Но Оля не стала дожидаться, пока ее отшлепают крапивой. Она показала грозной тете язык и быстро убежала в лес.

Лес действовал на Олю успокаивающе. Успокоить же тетю Люсю не смог никто. Она приказала мужу немедленно собирать вещи, которые к счастью не успели распаковать.

– Ноги моей здесь не будет больше, – голосила тетя Люся. – Ноги не будет.

Больше Оля никогда не видела толстую тетю Люсю. Она теперь отдыхала на югах, не подозревая, что, несмотря на ее строгий запрет, Николай все же продолжает бывать у сестры Инны Петровны в старом доме, который после смерти бабушки поделили между собой Инна Петровна и Тамара Петровна. Причем Тамарина половина дома пустовала, в то время как на половине Инны всегда было многолюдно и весело.

Много раз просила Инна у Тамары отдать ей вторую половину.

– У тебя же свой дом большой есть, за которым догляд нужен, – говорила она сестре при встрече. – Тебе же родительский дом в тягость. А он ветшает без человеческого присутствия.

– Ничего с ним не будет, – отмахивалась Тамара. – Пусть стоит закрытый. Моя половина, что хочу, то и делаю. Сын вот вырастет, ему отдам. Будет с молодой женой да детишками жить в этой половине.

– Да, зачем ему здесь в деревне жить? – хваталась за голову Инна. – Воды нет. Отопления нет. Туалет на улице. Да разве кто из молодых захочет от нормальных условий отказываться и в умирающий дом перебираться?

– Вот прикажу, и переберутся, как миленькие! – топала ногами Тамара. – Нечего на мою половину зариться. Никому не отдам и баста!

Разговоры прекратились. Тамарина половина стояла закрытой. Ночью ветер гудел в трубе. Скрипели половицы, рассыхающегося пола. Дом стонал, жаловался на то, что остался без догляда, что умирает от тоски и одиночества. Но помочь ему никто не мог, кроме Тамары. А она не хотела помогать.

Изредка приезжал Тамарин муж Петр. Он распахивал настежь окна и двери, приглашая ветер и солнце заглянуть внутрь. И тогда из открытых окон вырывался запах прелой древесины, старого тряпья и тлена. Ко всем этим запахам примешивался еще какой-то незнакомый запах. Он пугал Олю сильнее, чем ночные скрипы половиц, уханье сов и гудение ветра в трубе. Оля затыкала нос и убегала прочь, подальше от неприятного запаха.

Став взрослой, она поняла, что этот отвратительный запах, который так пугал ее, был запахом смерти. Одного Оля не могла объяснить, почему он не выветривался с Тамариной половины.

Может быть, объяснение скрывалось в Тамариной жадности и злости. Ведь она забрала себе большую часть дома с огромной гостиной, где стоял стол на двадцать персон, который бабушка любовно называла «сороконожкой», поясняя, что если над столом двадцать голов, то под столом сорок ног. Оля неизменно ныряла под стол и считала.

– Бабуль, а столовые ножки тоже считаются? – интересовалась она снизу из заветного подстоля.

– Нет, только человеческие ножки считай, – приказывала бабуля.

Оля считала человеческие, потому что у стола вообще не было ног, а столешницу овальной формы, сделанную из редкой породы красного дерева, поддерживали четыре массивных льва с рыбьими хвостами вместо туловищ.

Бабушка рассказывала, что этот стол привезли из-за океана. Что принадлежал он какому-то богатому князю или графу, инициалы которого имеются в самом центре стола.

Улучив момент, Оля просовывала руку под скатерть и водила пальцами по большим, незнакомым буквам – инициалам, которые ей представлялись шрамами на теле бедного стола.

– Взрослым, наверное, стыдно за твои шрамы, бедный стол сороконожка, поэтому они прикрывают тебя скатертью, – тихо шептала Оля, водя пальцами по невидимым буквам.

Когда умерла бабушка, гроб поставили на стол, сняв с него цветастую скатерть, тогда Оля впервые увидела буквы, которые красовались в самом центре – SGM. Она аккуратно провела пальцами по каждой букве, отметив для себя, что «S» похожа на змею, «G» – на улитку, а «M» – на две горные вершины, где вечное молчание.

– А, может быть, – думала Оля, – эти буквы означают одинокого человека, бредущего извилистой дорогой в страну молчания...

Что на самом деле означали эти буквы-инициалы, для нее так и осталось тайной.

Бабушкин гроб стоял на овальном столе. Маленький на большом. В изголовье горели церковные свечи. А по бокам сидели сгорбленные старушки, одетые во все черное, пели заунывные песни, причитали и плакали.

– Так положено. Они ее душу провожают туда, куда надо, – цыкнула Тамара, когда ее сын Василий спросил:

– Мамка, зачем все это надо?

– А куда душе надо? – пискнула Оля, высунувшись из-за Васиного плеча.

– Помрешь, узнаешь. Нечего глупые вопросы задавать да под ногами вертеться. Идите вон в детскую комнату и не высовывайтесь, – приказала Тамара. – Не до вас.

Оля и Василий отправились в детскую, забрались на кровать, прижались друг к другу, немного поплакали, сожалея о бабушкиной смерти.

– Все зеркала тканью закрыли, чтобы никто не увидел того, чего не следует никому видеть, – вытерев нос кулаком, сказал Василий.

– А что там такого особенного? – поинтересовалась Оля.

– Мамка говорит, что в зеркалах открывается проход в бездну, – пояснил Василий. Он был на три года старше Оли, ходил уже во второй класс, гордился своими знаниями и смотрел на Олю свысока.

– Васятка, а давай попробуем заглянуть в эту бездну, – предложила она.

– Ты что, белены объелась? Или умереть, как бабуля, захотела? – зашипел на нее Василий. – Сиди тут на кровати рядом со мной. Да смотри, не вздумай спать. Когда покойник в доме, спать нельзя. С собой утащит, если уснешь.

Оля всхлипнула. Было обидно, что Василий про бабулю так нехорошо сказал: «покойник». Совсем не хотелось девочке верить, что теперь вместо бабушки останется лишь запах формалина, ладана и свечей.

Не спать всю ночь у Оли и Васи не получилось. Сон все-таки сморил их. Но, несмотря на все страшные Васины рассказы, во сне Оле совсем не было страшно. Наоборот. Сон был веселым и радостным. Бабушка варила клубничное варенье в своем любимом медном тазу. В саду на все голоса распевали птицы, а на белом с золотым ободком блюдечке лежала громадная клубничина, наполненная сладким сахарным сиропом. Алый сироп растекался по блюду, окружая клубничину со всех сторон.

– Нет, это не клубника! Это сердце, которое бьется, которое живет на белом фарфоровом блюдечке с золотым ободком... – воскликнула Оле и проснулась.

Так в шесть лет она поняла, что у всего есть начало и конец. И о том, куда уходят души, знают зеркала, но никому об этом не рассказывают, потому что говорить не умеют...

На Тамариной половине зеркала так и остались завешенными плотной тканью. И запах, страшный запах смерти остался, как напоминание о конечности всего живого.

Глядя на тетю Тамару, Оля постоянно вспоминала приснившееся ей сердце на фарфоровом блюде, и думала о том, что блюде никогда не станет живым, сколько бы сердец на него не положили.

Это знание причиняло девочке боль. Она бы с радостью отказалась от него и как прежде любила бы брата Ваську, слушала бы его страшные сказки, играла бы с ним в веселые игры, ходила бы на рыбалку и по грибы. А еще ей хотелось прижиматься к тете Тамаре, как раньше, и ждать, когда она положит на фарфоровое блюдо большую, сладкую клубничину сначала маленькой девочке Оленьке, а потом большому мальчику Василию. И они с Васей будут обливать свои ягоды и долго-долго ощущать сладкое послевкусие на губах и во рту.

Но... после бабушкиной смерти все пошло прахом. Дом умирал. Василий стал злым и не хотел больше играть с Олей.

– Вот еще выдумала, играть. Не до игр мне, – бубнил он. – Мамка говорит, что за новым домом догляд нужен. Ничего оставить нельзя. Ворье кругом только и ждет, что бы такое у хозяйина стянуть, чем бы таким поживиться за чужой счет.

– О ком ты говоришь, Вася? Что это такое – ворье? – удивлялась Оля.

– Эх ты, деревня, – хохотал Василий. – Ворье – это значит воры. Куда не глянь, одни воры. Мамка тут как-то половик на забор повесила, так его стащили среди бела дня. А ты говоришь!

Оля ничего не говорила. Ей было обидно, что Васька изменился, что дом поделили, и он теперь умирает, что Тамара варенье перестала варить. А у мамы так вкусно не получается,

потому что она крупные ягоды на варенье не берет, а заставляет Олю съедать их живьем, прямо с грядки.

Оля часто убегала на опушку леса и плакала, уткнувшись в мягкую траву, повторяя: «Почему? Почему? Почему?» Но ответа не было.

Однажды кто-то тронул Олю за плечо и тихо спросил:

– Кто тебя обидел, малышка? Почему ты так горько плачешь?

– Никто меня не обижал, это мне соринка в глаз попала, – вытирая слезы, сказала Оля, глянула исподлобья на незнакомого дяденьку и спросила:

– А вы кто?

– Я дядя Коля, – он улыбнулся.

– Тогда я тетя Оля, – ответила она.

– Замечательно! Давай с тобой дружить, тетя Оля, – он протянул ей руку. Она немного помедлила, поднялась, а потом, хлопнув его по ладони, стрелой полетела прочь, звонко крикнув:

– Догоняй, дядя Коля!

Вот так началась их дружба. С той поры они везде ходили вместе. На рыбалку, по грибы да ягоды, слушать соловьев, встречать рассвет, печь картошку, смотреть, как засыпает и пробуждается лес.

Мысль о том, что дядя Коля именно то человек, который ей нужен, пришла к Оле как-то вдруг. В свои восемь лет она еще не понимала, что такое супружеские узы, но была убеждена, что толстая тетя Люся совсем не пара дяде Коле. Вот и выпалила про мужа и про все остальное, не думая о последствиях.

Намного позже Оля поняла, что взрослые совсем не любят слышать правду, а говорят правду и того реже. Весь мир пропитан ложью, сладкой кроваво-красной ложью, разлитой на белом фарфоровом блюде...

– Привет, девчонки, вы как всегда вовремя! Ипподром готов к встрече с вами, – проговорил Николай Всеволодович, поцеловав Олю в щеку. – Сегодня я вас познакомлю с моим помощником Максимом. Он вам даст верховых лошадей.

– Вы не шутите, дядя Коля? – Оля посмотрела на него с недоверием.

– Нет, милая моя, тетя Оля, я не шучу. Я человек слова, – он улыбнулся. – А ты, тетя Оля, слово своё держать умеешь? Не передумала еще меня своим мужем сделать?

– Передумала. Я тогда маленькая была, глупая. Не знала, что через десять лет состарится не только тетя Люся, но и вы. Еще я не учла разницу в возрасте, которая составляет двадцать пять лет. Но самое основное препятствие – это то, что мы родственники. Поэтому знакомьте нас скорее со своим Максом, – выпалила Оля, глядя мимо дяде Коли.

Она по-прежнему продолжала любить его той детской любовью, когда нет никакого стеснения и можно запросто забраться на колени, взлохматить волосы, ущипнуть за щеку, а потом затихнуть, свернувшись маленьким котенком и блаженно замурлыкать, чувствуя свою защищенность в объятиях сильного мужчины. Но разве об этом можно говорить вслух теперь, когда ей уже двадцать?

Нет. Она ни за что не откроет никому свой секрет, чтобы не попасть в липкую кроваво-красную жижу на фарфоровом блюде. Ни за что...

Максим оказался грузным, лысоватым толстяком похожим на Винни-Пуха. Он расхаживал по конюшне, что-то мурлыча себе под нос.

– Привет, Макс, – громко крикнул дядя Коля. – Я привел к тебе своих девчонок, как договаривались.

– Вот и славно, – пробасил Максим. – Мне помощники очень нужны. Привет, девчонки! Берите скорее ведерки, да лопатки и вперед, стойла чистить.

– Что? – в голос завопили Ира и Оля. Такого они не ожидали.

– Навоз убирать, значит, не хотите? – рявкнул Макс.

– Не хотим.

– Значит, кататься мы любим, а саночки пусть дядя Макс возит, так что ли? Не выйдет, кумушки, не на того напали, – он сделал несколько шагов вперед.

– Но мы... Мы не одеты для навоза... для конюшни,...мы... – наперебой затараторили девчонки, пятясь назад.

– Ладно, – засмеялся Макс. – На первый раз прощается. Но завтра...

– Разумеется! Нам дважды повторять не надо, мы девочки умные, – выпалила Ира.

Дядя Максим, Макс очаровал девонок. Он был прекрасным рассказчиком, знал о лошадях столько, что его можно было слушать часами. Начинал он свои рассказы всегда одними и теми же словами: «Значит, дело было так», а дальше следовали повествования, одно интереснее другого, где правда переплеталась с вымыслом в единый, причудливый сюжет. Девчонки слушали, затаив дыхание.

– Значит, дело было так. Полюбился Богу южный ветер. И решил Он сотворить из ветра живое существо. «Воплотись!» – повелел Бог. И по Его слову возникла на земле первая лошадь, способная преодолевать огромные расстояния.

Выносливых, красивых, быстроногих жеребцов увидели бедуины и решили их приручить. Так появилась порода арабских скакунов способных выдерживать дальние переходы по пустыне и участвовать в стремительных военных набегах.

Потом выносливыми красавцами заинтересовались англичане. Три арабских жеребца, привезенных в Англию в XVII—XVIII веках, стали родоначальниками всех лошадей английской верховой породы!

Арабских жеребцов выбрали не случайно. Лошади этой породы отличаются от простых лошадей как принцы и принцессы, от простолюдинов. Чистокровную породистую лошадь видно сразу. Шеи у скакунов тонкие и длинные, словно их скрестили с лебедями, а широкоскулые лошадиные морды так сильно сужаются к пасти, что лошади могут пить воду даже из чайной чашки.

Во время движения арабские скакуны высоко задирают хвосты и по-лебединому изгибают тонкие шеи, с гордо поднятыми точеными головами. Поступь у них такая элегантная, словно они летят по воздуху. Кажется, что мерно поднимающаяся и опускающаяся под тобой спина принадлежит не лошади, а огромной птице, летящей над миром.

Лошадей арабской породы в легендах называют «пьющими ветер». Благодаря мощной трахее и «горделивой осанке», скакуны легко вдыхают воздух, и создается впечатление, что они «пьют ветер». Мастера верховой езды могут «пить ветер» вместе со своими скакунами.

У арабских жеребцов должны быть сильные ноги, тренированные мускулы и короткие кости. Рост же лошади мало влияет на ее силу.

Возьмите, к примеру, нашего арабского жеребца Горацио. Им невозможно не любоваться. Как грациозны его движения, когда он пробегает неспешной рысцой по свежевзрыхленной дорожке ипподрома. А, когда он начинает крутиться вокруг своей оси, неподвижно зафиксировав на месте одну ногу, то напоминает балерину, танцующую фуэте. А потом, повинаясь своим инстинктам, Горацио скачет по замысловатым кривым и неожиданно замирает, зарыв передние копыта в землю.

Создается впечатление, что конь самостоятельно разучивает танец, а люди нужны ему, в качестве зрителей.

Догадавшись, что речь идет о нем Горацио совершил ряд замысловатых движений и замер.

– Bravo! – закричали девчонки.

Горацио поклонился, фыркнул и закрутил фуэте. Его необыкновенные танцевальные выступления могли увидеть все проходящие на ипподром. А вот увидеть рождение жеребенка, предоставлялось не каждому.

Лошади обычно жеребятся по ночам и часто роды не начинаются до тех пор, пока кобыла не останется в полном одиночестве. Поэтому перед родами кобылы Дарины в конюшне был установлен специальный монитор, на котором дистанционно можно было наблюдать за всем происходящим в стойле.

Макс решил девчонкам быть поблизости и ждать вместе с ним, когда начнутся роды. Минуты ожидания тянулись невероятно долго. Все сидели молча, уставившись в экран.

Вдруг из-под хвоста кобылы показалось обтянутое пленкой копытце. Дарима – сделала шаг, копытце вздрогнуло, и наружу вывалилась тонкая передняя ножка. В конюшне поднялась суматоха. Если Дарима не разродится за двадцать минут, то и она и жеребенок могут погибнуть. Макс и еще несколько человек бросились помогать кобыле. А девчонки молча сидели в комнате и не могли оторвать глаз от монитора.

Наконец-то раздался хлюпающий звук, и маленькое живое существо соскользнуло в объятия Макса. Макс аккуратно опустил жеребенка на пол и замер. Жеребенок несколько минут лежал без движения, словно адаптируясь к новым условиям, а потом поднялся и, пошатываясь, сделал несколько неуверенных шажков.

– Он похож на большую лошадь, но только зачем-то поставленную на ходули, – прошептала Ира, вытирая слезы умиления и радости.

– Подумать только, через несколько месяцев тонкие ножки будут служить ему не хуже крыльев, и он научится пить ветер, – сжимая Ирину руку, сказала Оля.

Появление маленького, трогательного жеребенка Нуно стало важным событием в жизни девчонок. Они повзрослели. И обе, как-то вдруг поняли, что дарить радость другим – это очень здорово. Это намного приятнее, чем ждать подарков для себя.

Девчонки перестали по утрам кричать во все горло. Они теперь разговаривали спокойными, тихими голосами. А для сморщенного, старческого лица, которое неизменно появлялось из окна, девчонки приносили яблоки, конфеты, баранки. Лицо недоуменно морщилось, высываясь из окна, и спускало вниз на веревочке старую дырявую авоську. Авоська, нервно подрагивала, а потом молниеносно взмывала вверх. Лицо издавало радостный возглас: «Э-эх!» и исчезало за грязными стеклами. Так было в выходные, а в будни Олина жизнь тянулась размеренно и привычно, словно трамвай по рельсам. Ранний подъем, шестичасовой рабочий день в лаборатории института Гидропроект, вечерние прогулки по Москве, сон, подъем...

Осень началась как-то вдруг. За одну ночь пожелтели все деревья на Беговой. Ветер срывал золотую листву и швырял ее под ноги прохожим. На трамвайных путях появились надписи: «Осторожно, листопад!»

Оля с Ирой стучали каблучками по тротуару и нараспев декламировали стихи:

Осень сыплет нам с тобою золото под ноги,
Разноцветным покрывалом устланы дороги,
В тонкой нити паутины солнца луч сверкает,
И от музыки нездешней сердце замирает.

Девчонки спешили в конюшню к своему любимцу Нуно, который подрос и стал красивым жеребцом. В нем не было уже ничего от смешного головастика на ходулях. Но каждый раз, глядя на Нуно, Оля вспоминала ночь его рождения, и восторженное умиление заполняло каждую клеточку ее тела.

Однажды утром Макс встретил девчонок и тоном заговорщика сообщил:

– А у нас пополнение. Полюбуйтесь скорее – это Чезаре – редчайший андалузский жеребец.

Эффектный светлой масти конь с сильной мускулистой шеей глянул на девчонок своими темными выразительными глазами и тряхнул головой.

– Ах, какой же ты красавец, Чезаре! – восхищенно выдохнула Оля.

– Он у нас принадлежит к латинской школе, – сказал Макс, обняв девчонок за плечи. – Латинский стиль выездки появился в тысяча пятисотых годах на юге Европы. Корни Латинской школы уходят в крито-микенскую цивилизацию к древним римлянам, берберам и неаполитанцам, хранившим свои методы подготовки боевых лошадей в строжайшем секрете. Позднее латинскую школу выездки переняли французские аристократы, готовившие эффектные конные представления для балов. Именно они заметили, что Латинская школа – это, скорее, конный балет, чем верховая езда. Хотя изначально таких лошадей и всадников готовили для сражений с неповоротливыми тяжело вооруженными рыцарями.

Основная же особенность лошадей Латинской школы в том, что центр тяжести животного смещен на задние ноги. Это дает дополнительную свободу передним ногам и корпусу лошади, позволяя всаднику без видимых усилий менять аллюры и выполнять сложные манёвры.

Лошади, обученные по латинской школе выездки, способны выполнять почти все элементы высшей школы на вожжах, то есть когда человек не сидит верхом, а идет рядом или позади, держа поводья. Со стороны кажется, что лошадь сама танцует под музыку, исполняя сложные пиаффе, пассажи и прыжки.

Позади кто-то громко захлопал в ладоши. Максим обернулся и с радостным криком: «Александр!» бросился сжимать в объятиях высокого, крепко сложенного юношу.

Загорелое широкоскулое лицо обрамляли темно-русые, аккуратно подстриженные волнистые волосы. В больших карих глазах плясали озорные огоньки. Темным длинным ресницам Александра могла позавидовать любая модница. Нос у него был прямой со слегка расширенными ноздрями, губы пухлыми ярко-красными, словно их подкрасили. А вот темно-коричневый кримпленовый костюм, сшитый, наверное, при царе Горохе, вызвал у девчонок приступ смеха.

– У него и ботинки клоунские, – хихикнула Ирина.

Александр повернулся к смеющимся девчонкам и сказал строго:

– Да, клоунские, ну и что из того?

Оля почувствовала, что лишилась точки опоры, земля ушла у нее из-под ног. Два шага, разделяющие их с Александром, она прошла по воздуху. Прошла, чтобы дотронуться до его руки и сказать, глядя в его огромные карие глаза:

– Вы скоро станете моим мужем!

– Что? – брови Александра взлетели вверх и застыли. В глазах отразилось недоумение.

– Вы бу-де-те мо-им му-же-м! – повторила Оля чуть громче.

Александр расхохотался. Лицо Макса то же расплылось в улыбке. А Ира, дернув Олю за рук, зашипела:

– Ты что, Ольга, рехнулась? Он же бродяга, первый встречный, а ты сразу...

– Милая девушка, – все еще продолжая смеяться, проговорил Александр, – вы на себя в зеркало смотрели?

– Смотрела и не один раз, – ответила Оля, ничуть не смутившись. В карих смеющихся глазах Александра она видела свое отражение. Маленькая, худенькая с двумя тонкими косичками. Самая обыкновенная девчонка, каких миллионы.

– Значит, вы плохо на себя смотрели, – Александр сощурил свои большие глаза, и Оля увидела, как ее отражение стало похоже на булавочную головку.

– В вас, милая девушка, нет ничего особенного. Вы – обычная серенькая мышка...

– Нет! – возразила Оля. – Я – Золушка! Или гадкий утенок, если хотите, который...

– Мне не интересно, понимаете? – Александр стал серьезным.

– Нет, не понимаю, – ответила Оля, продолжая смотреть в его глаза.

– Вы мне не нравитесь. Совсем не нравитесь. Мало того, вы у меня вызываете неприязнь. Я все понятно объяснил? – Оля отрицательно помотала головой. Александр рассердился не на шутку. Время, которое он собирался провести с Максом, приходилось тратить на какую-то безумную, некрасивую девушку.

– Девушка, вы несете бред, на который я не желаю тратить свое драгоценное время. Прощайте.

Александр повернулся, собираясь уйти. Но Оля тронула его за рукав и, улыбнувшись, сказала:

– Знаете что, Александр, я вам докажу, что внешность – это не самое главное человеческое достоинство. Главное – это душа. Поверьте, я не собираюсь проситься к вам в постель, я просто думала, что нам есть о чем сказать друг другу.

– Нам? – Александр резко развернулся. – Да я вас вижу в первый и, надеюсь, в последний раз, милочка...

– Вы меня уже видели там, на лестнице, – сказала Оля.

– На какой лестнице? – опешил Александр.

– Мы шли с вами по темной лестнице вверх. Вы прижимали мою руку к своему боку... – пояснила Оля.

– Может, вы еще скажете, что беременны от моего взгляда?

– Пока нет, – улынулась она. – Но у нас с вами обязательно будут дети.

– Ну, хорошо. Пусть будет по-вашему. Но знаете ли вы, милочка, что я дал себе слово жениться только на... – Александр решил выдумать такую профессию, чтобы эта дурочка от него отстала. Но в голове вертелись только Французская да Английская королевы, а в старом папином костюме он себя королем не чувствовал, поэтому следовало выбрать что-то более приземленное.

– А почему, приземленное? – подумал Александр и, скрестив руки на груди, сказал:

– Я непременно женюсь на небесной принцессе стюардессе!

– Замечательно! – воскликнула Оля.

– Что замечательно? – передразнил ее Александр.

– А то, что я самая настоящая стюардесса и есть! – Оля показала ему язык и скрестила руки на груди так же, как и он.

– Ты? – Александр побледнел и сделал несколько шагов назад.

– Да! Я настоящая стюардесса! – Оля стояла пред ним, высоко подняв голову, и улыбалась.

– А что же в таком случае, моя крошка, ты делаешь здесь, на конюшне? – хмыкнул Александр.

– Жду тебя, Сашенька, – ответила Оля. – А вот бороду ты зря сбрил. Она тебе очень шла. Оля сделала несколько шагов вперед и, погладив Александра по щеке, сказала:

Вы еще не знаете, вы пока не знаете,
Что я к вам из прошлого тихо постучу.
От обиды, злости, подлости и зависти
Я вас непременно, милый, излечу.
Помогу увидеть синь небес бездонную,
Помогу услышать, как журчит река.
Научу вас солнце собирать в ладони
И летать на белых, белых облаках...

Он перехватил ее руку, проговорил раздраженно:

– Во-первых, бороды у меня никогда не было. А во-вторых, в Москве проживает восемнадцать миллионов человек. Большая часть населения – представительницы слабого пола. Каждая будет лезть из кожи вон, чтобы мне понравиться. Но при этом каждая из них не будет той – единственной, которая нужна именно мне. Заруби себе на носу: я мужчина! Поэтому я буду решать сам, кого мне выбрать из миллионов. У вас, милая, нет никаких шансов. Ясно?

– Пусть так, но вы должны запомнить, что меня зовут Ольга, Оленька, Оля. И еще: лучше меня вы никого не найдете среди ваших миллионов, потому что я именно та единственная, которая вам нужна.

Вы забыть меня не сумеете,
Вы забыть меня не посмеете.
Вдруг взметнется прошлое птицею,
Перепутав быль с небылицею.
Жизнь свою по полкам разложите,
Но забыть меня вы не сможете.
Вам в который раз затоскуется,
И дождем на вас хлынет улица,
Заморочит утро туманами,
И любви словами обманными.
От бессилья вы онемеете
И забыть меня не посмеете...

Прощайте. Мне пора. Лечу, понимаете ли, в жаркие страны... – Оля вырвала свою маленькую руку из его большой руки и быстро пошла прочь.

– Ольга, ты совсем с ума сошла или наполовину? – спросила ее Ира, когда они вышли за ворота ипподрома.

Оля ничего не ответила.

– Зачем ты на этого Александра напала? Заладила, как попугай: «Замуж, замуж... Я самая-самая. Мы с вами на темной лестнице... Вам так борода шла...» Тьфу. Слушать было противно. – Оля молчала. – Зачем тебе надо было нести весь этот бред про стюардессу? Ты же сидишь в лаборатории бумажки перекладываешь. В институт с горем пополам поступила. Какая ты к черту стюардесса? Да ты хоть раз живую стюардессу видела?

– Живую нет, мертвую видела, – зло ответила Оля.

– Дура.

– Возможно. Но, понимаешь ли, Ириша, у меня вдруг появился азарт. Мне захотелось доказать этому пижону в старом кримпленовом костюме, что я самая...

– Верещагина Ольга, я тебя не узнаю. Опомнись. На дворе осень, а не весна. Надо к спячке готовиться, а не с ума от любви сходить.

– Рано нам о спячке думать, Ирка. Надо готовиться к бою, – Оля остановилась и скороговоркой выпалила:

– Поехали в Шереметьево в стюардессы поступать!

– Теперь я вижу, что ты основательно рехнулась, – сочувственно произнесла Ира и pokrутила пальцем у виска. – Поезжай-ка ты на работу, успокойся и, будем считать, что сегодняшней встречи не было.

– Нет, Ирка, я поеду в стюардессы поступать, – упрямо мотнула головой Оля. – Ты со мной или нет?

– Нет. Я на работу, а вечером в институт. Между прочим, учебный год начался.

– Ну и пусть начался. Я больше в Архитектурном учиться не хочу, не мое это. Не интересно мне.

– Нельзя бросать то, что начала. Надо дела до конца доводить, – назидательным тоном сказала Ира.

– Умница ты моя, – Оля поцеловала подругу в щеку. – Вот я и буду доводить начатое до конца. Обязательно стану стюардессой, а Александр станет моим мужем. И я буду... ой, а как его фамилия?

– Буйвол-Кот какой-нибудь, – ехидно проговорила Ира.

– Пустяки. Главное, чтобы человек был хороший, – парировала Оля.

– Вот именно, – Ира постучала Оле по лбу. – Надо сначала узнать, хороший он человек или нет, а потом про замужество речи вести. А ты сразу – вы будете мои мужем! Ой...

– Что? – Оля насторожилась.

– Ольга, а вдруг он из тюрьмы вышел только что? Вдруг он вор-рецидивист? – Ира сама испугалась собственных слов.

– Иришка, успокойся. Для волнения нет никаких причин, потому что я этого Александра уже видела. Мы вели философские беседы о смысле жизни...

– Когда это было, дорогая? – простила Ира.

Оля задумалась. Действительно, когда все это было?

Когда же? Когда же?
Когда-то...
Когда-то давным-давно
В хрустальный бокал наливали
Вы мне дорогое вино.
Вы мне говорили о вечном,
О солнце и облаках,
О том, что нетленные души
Мы носим в бранных телах.
Тела эти пеплом иль прахом
Однажды на землю падут,
А души голубками белыми
На Божий отправятся суд.
Когда же, скажите, когда же
Мы с вами отправимся в путь?
Когда ж, наконец, мы узнаем,
В чем жизни земной нашей суть?

Когда же была их первая встреча с Александром? Оля не могла сказать точно. Мало того, она не была вполне уверена, что эта встреча вообще была. Скорее всего, это был сон, необычный, вещий сон. Иначе, как объяснить, что совпало все, кроме бороды. «Но борода вырастет», – подумала Оля и улыбнулась.

– Я все-таки догнала вас, мой незнакомец. А то, что вы шагнули с огромной высоты вниз, теперь имеет объяснение. Вы хотели, чтобы я стала стюардессой. Все встает на свои места: голубое небо, белые облака, самолет... Я непременно стану стюардессой! Я вас не разочарую. Я превращусь в лебедя, в бабочку, в цветок, в жеребенка Нуно... Нет. Я превращусь в самую лучшую женщину в мире, в самую нужную женщину в мире. Вот увидите. Вот увидите!

Полёты

В аэропорту Шереметьево Оля разыскала отдел кадров службы бортпроводников. День был не приемный. В длинном коридоре было тихо. Оля долго переписывала со стенда о приеме на работу нужную информацию. А потом осмелилась заглянуть в кабинет с надписью: «Начальник Отдела кадров Службы бортпроводников», чтобы попросить анкету.

– Приема на работу нет и не будет! – строго выкрикнула пожилая дама, глянув на Олю поверх очков.

– Вообще нет или есть надежда? – тихо спросила Оля и подумала, что дама ведет себя так строго, чтобы оправдать должность начальника ОК. Наверное, начальникам положено быть строгими. Но тут же перед глазами возник образ их Геннадия Борисовича, Геши – начальника конструкторского отдела, в котором работала Оля.

Геша был замечательным человеком, прекрасным организатором в меру строгим и очень рассудительным. Правда, в его подчинении работало всего двадцать человек. А строгая дама возглавляет ОК целой службы бортпроводников, в которой трудится людей в сто или даже тысячу раз больше, поэтому-то у нее такой вид. На самом же деле она – душка, как и Геннадий Борисович, подумала Оля.

– Надежда есть всегда, – засмеялась дама, сразу став милой, доброй и очень симпатичной. У Оли отлегло от сердца.

– Сколько тебе лет? – спросила дама.

– Двадцать.

– Иностранный язык знаешь?

– В школе учила, – проямлила Оля.

– Значит, в анкете напишешь: читаю и перевожу со словарем, – пояснила дама.

Оля кивнула. Хотя все ее познания в английском языке заключались в знании нескольких фраз, запомнившихся на всю жизнь.

А запомнились фразы только лишь потому, что учитель английского языка Корней Варфоломеевич Новиков – КВН постоянно твердил их на протяжении шести учебных лет.

КВН стремительной походкой входил в класс, швырял на стол классный журнал и, оглядев учеников взглядом инспектора по делам несовершеннолетних, начинал урок.

– Good afternoon, dear children.²

Причем это «dear children» звучало, как «разбойники-пираты».

– My name is Korney³ Вар-фо-ло-ме-евич. Запомните: Вар, а не Вор. Слово «name» – имя по-английски пишется так: на-ме.

Он выводил на доске «NAME» и произносил: «на-ме». Ученики хором повторяли: «на-ме». А после уроков придумывали веселые каламбуры:

– Вот из ё наме?

– Май наме из Вар, а не Вор.

Еще КВН любил наглядно объяснять значение предлогов: на, под, около, за. Он брал монетку, помещал ее в разные места и говорил, где именно она находится. Но самое большее удовольствие КВНу доставлял предлог «внутри». Он высоко поднимал монетку со словами: «This is the koreck».⁴

Произносилась фраза так, словно в руке была не обычная монета, а Корона Российской Империи, которую КВН собирался водрузить себе на голову. Но, так как это была не корона,

² Добрый день, дорогие дети.

³ Меня зовут Корней.

⁴ Это копейка.

а монета, то она неизменно исчезала в кармане серого пиджака, сопровождаемая фразой: «I put the kopek into my pocket».⁵

- Вы поняли, dear children, что «into» – значит...
 - В карман, – дружно вторил класс.
 - Не в карман, а внутрь, dear children, – поправлял КВН.
- Dear children на этот раз означало – балбесы.
- Оля улыбнулась, вспомнив стишок, который они сочинили:

Сенкью, плиз, гудбай, хелло.
Всем нам крупно повезло.
КВН копейку взял и в карман ее убрал.
Мы английский обожаем, на уроках отвечаем,
Что живем в СССР. Наме Коля – пионер.
На столе лежит журнал...
Ван, ту, фри – таков финал.

Финалом были поголовные тройки, поставленные КВНом только лишь потому, что всех dear children – мерзких детей, пора было выпускать из школы.

– Я ставлю вам всем незаслуженные отметки, dear children (тупицы), – постукивая карандашом по столу, говорил КВН, – потому что английский вы даже на колы не знаете.

Полученные знания у dear children выветрились через день после вручения аттестатов. А вот фразы про «наме и копек» прочно врезались в память.

Строгая начальница ОК вытащила из шкафа большой лист, сложенный вдвое, и протянула Оле со словами:

– Вот тебе анкета, но учти, что это ничего не значит. У нас тут люди годами ходят.

– Спасибо, – проговорила Оля, прижимая к груди заветный документ и ушла. Радость переполняла ее, вырываясь наружу возгласом:

– Ура! Первый шаг сделан, а это уже много. Мно-го!

Тогда Оля даже представить не могла, сколько еще шагов ей придется сделать, сколько томительных часов ей придется просидеть под дверью у кабинета начальника ОК, разглядывая надпись: «Приема на работу нет». Сколько раз придется сравнивать строгую даму из ОК с милым Гешей, сколько раз будет возникать желание бросить все эти хождения по мукам и вернуться в свой отдел, вернуться к привычной, однообразной жизни.

Такие желания пропадали у Оли сразу же после того, как из кабинета со счастливыми лицами выходили те, у кого документы приняли. Правда, видеть счастливых было обидно, потому что их взяли, а ее, Олю, нет. Оля изо всех сил старалась держаться. Но однажды у нее сдали нервы, и она разрыдалась. Слезы катились и катились по щекам. И чем сильнее Оля хотела успокоиться, тем сильнее лились слезы.

– Что случилось, деточка? – погладив Олю по голове, спросила пожилая седовласая женщина. Ее, испещренное морщинками, лицо было необыкновенно добрым, а глаза улыбались.

– Рассказывай все, как есть, – приказала старушка, обняв Олю за плечи.

Оле показалось, что это ее любимая бабушка – бабуля воскресла и пришла сюда, чтобы утешить свою глупую внучку, которая ринулась неизвестно куда, неизвестно зачем.

Оля уткнулась старушке в плечо и рассказала ей все про сон, про Александра, про желание стать стюардессой.

– Значит, он шагнул вниз с огромной высоты, а ты побежала его догонять? – спросила старушка, когда Оля вытерла кулачком остатки слез.

⁵ Я кладу копейку в свой карман.

- Да, – подтвердила Оля.
- И он дал себе слово, что женится только на стюардессе?
- Да.
- Ты его любишь?

Этот вопрос застал Олю врасплох. О любви она вообще не думала. Их встреча с Александром была неизбежным событием. Оля твердо знала: Александр должен стать ее мужем, именно он должен быть рядом с ней всегда, потому что он сам это ей пообещал там, на темной лестнице.

Старушка поднялась, погладила Олю по голове, улыбнулась и исчезла за дверью начальника ОК с надписью «Приема на работу нет». Оля тупо смотрела на надпись и думала, что давным-давно не была на ипподроме, давно не встречалась с Иришкой, забросила институт, работу, друзей из-за иллюзорного Александра, которого видеть ей сейчас совсем не хотелось. Мало того, реальный Александр, в кримпленовом костюме, был ей даже противен. Оле хотелось видеть того, бородатого Александра, с которым они шли по темной лестнице вверх, к сверкающему проему и обсуждали важные вопросы.

Она явно увидела яркий солнечный свет, кусочек голубого неба с белыми барашками облаков и улыбнулась.

– Ну, и долго ты тут сидеть будешь с глупым лицом? – грянул над Олиной головой строгий голос.

В дверном проеме стояла начальница ОК. Оля сообразила, что видит небо и солнце через окно кабинета, на пороге которого стоит строгая дама.

- Давай сюда свои документы. Живо, – скомандовала она. – Заходи.

Дама прошла к своему столу, что-то написала на белом листке, протянула его Оле.

– Вот тебе направление на медицинскую комиссию. А для того, чтобы пройти нашу медкомиссию, тебе потребуется не меньше двух недель, – начальница сделала ударение на слове «нашу», намекая на то, что все не так-то просто, что здесь людей отбирают для полетов в небо, а не в конструкторское бюро.

– Когда соберешь подписи всех врачей, вот здесь поставишь штамп, – наставляла она Олю. – Времени у тебя не так уж много. Через две недели начнется учеба. Не успеешь комиссию пройти, будешь еще год ждать. Все ясно?

- Значит я...

– Будешь стюардессой, – засмеялась строгая дама. – Ты хоть знаешь, кто за тебя хлопотал?

- Кто? – у Оли пересохло в горле.

– Прославленная военная летчица Мария Николаевна Попова – командир звена «Ночных ведьм», легендарная женщина. Мария Николаевна была первым начальником нашей службы бортпроводников, которая образовалась в 1967 году!

Оля не могла поверить, что вот так запросто рыдала на плече у Ночной ведьмы, прошедшей дорогами войны.

– Мне надо было слушать ее рассказы о боях, о полетах, о ночных ведьмах, а не заливать своими слезами ее одежду, – подумала Оля и дала себе слово: непременно разыскать Марию Николаевну и подробно расспросить ее о войне, о жизни, о любви. А еще Оле захотелось научиться у Марии Николаевны выдержке, смелости и добросердечию.

Оля надеялась на скорую встречу с милой бабулей, как она про себя окрестила Марию Николаевну, но у жизни был иной сценарий.

Август звездною метелью гонит нас из дома.
Самолет мой – крест нательный у аэродрома.
Ни к полетной красоте ли вскинут взгляд любого.

Самолет мой – крест нательный неба голубого.
Дует ветер – князь удельный в гати бездорожной.
Самолет мой – крест нательный
На любви безбожной.
Цвет неяркий, акварельный на стреле крылатой.
Самолет мой – крест нательный
На любви проклятой.
Я сойти давно хочу, да мал пейзаж окрестный.
Распят я, и нету чуда, что летает крест мой.
Даль уходит беспредельно в горизонт неявный
Самолет мой – крест нательный на тебе
И я в нем.⁶

Время помчалось стремительным аллюром. Оля погрузилась в иную жизнь, где уже не было ипподрома, ранних утренних прогулок по пробуждающейся от сна Москве. Не было старой авоськи, взлетающей вверх, как знамя. Не было малыша Нуно и красавца Чезаре, не было дяди Коли, толстяка Макса, Иришки и даже Александра, ради которого, из-за которого и для которого Оля стала стюардессой.

Ее приняли в службу бортпроводников и направили в Учебно-Тренировочном Отряде, где экстравагантные педагоги, бывшие стюардессы, делились своими знаниями с теми, кому посчастливилось попасть в специальную группу стюардесс.

Двадцать милых девчонок и четверо ребят добросовестно вели конспекты.

– Записывайте, а то забудете и не сможете на экзамене ответить, – неизменно говорила учитель по питанию, начиная урок. – Итак, пишем: пустой контейнер – это такой контейнер, в котором ничего нет.

Все дружно хихикали. Этот пустой контейнер остался в лабиринтах Олиной памяти на всю жизнь вместе с «май наме из» и «копейком в помете».



Самыми любимыми для Оли были уроки испанского языка. Непреодолимое желание выучить этот мелодичный язык так, чтобы говорить на нем, как на родном, а не выдавливать слова, помогало Оле справиться со всеми сложностями испанской грамматики.

После уроков Оля оставалась, чтобы поболтать на испанском с Маргаритой Васильевной, которая была всего на шесть лет старше своих учеников.

⁶ Александр Дольский

Марго рассказывала ей о красотах Мадрида. Ее нежный голос, ее легкое придыхание и слова «Madrid con sus barrios modernos, sus amplios avenidas no tiene nada a las grandes urbes Europeas.»⁷ остались в Олиной памяти навсегда. И желание, непреодолимое желание увидеть этот замечательный Мадрид «con sus barrios modernos» жило в Олином сознании до тех пор, пока она не побывала в Мадриде. А, побывав там, Оля поняла, насколько беден человеческий язык, потому что словами нельзя описать даже частично ту неповторимую красоту, которую можно увидеть только на улицах испанской столицы. Madrid con sus barrios modernos...

Оля о многом узнала потом. А пока шла ежедневная учеба. На каникулы никого не отпускали. Лето – горячая пора. Студентов отправили на трехмесячную лётную практику в аэропорты Внуково и Домодедово.

Олю откомандировали в аэропорт Внуково. Начальник внуковской службы бортпроводников распределил всех новеньких по бригадам.

– Привет, меня зовут Лариса, – сообщила полногрудая, рыжеволосая бригадир, пожав Оле руку. – А фамилию мою запомнить легко, потому что она созвучна с фамилией Татьяны Пельтцер. Только она Пельтцер – великая актриса с одной «С», а я Мельцер – великая стюардесса с двумя «С». А бригаду нашу мы называли ЛИС – Лариса, Ира, Сергей. А с тобой будет ЛИСО или ЛОСИ, – Лариса звонко рассмеялась.

Оле тоже стало смешно, потому что эта троица напомнила ей сказку «Пузырь, соломинка и лапоть». Невысокая, полногрудая Лариса – пузырь. Худая, высокая Ира – соломинка и простоватый, с оттопыренными ушами Сергей – лапоть.

Лариса перестала смеяться и, насупив брови, сказала:

– Нет, ЛОСИ – плохо. Пусть остается ЛИС и О, потому что через пару месяцев ты от нас отпочкуешься, и навсегда забудешь о существовании бригады ЛИС.

Оля пожала плечами, не сказав о том, что красавицу Ларису Мельцер стюардессу с двумя «С» она вряд ли забудет, что вся бригада останется в лабиринтах ее памяти.

Летное поле поразило Олю своей широтой и бескрайностью. А большие серебристые лайнеры показались ей гигантскими птицами, совершающими замысловатые, только им ведомые передвижения. Оле хотелось поскорее попасть в чрево одной из этих птиц, чтобы испытать неповторимые ощущения полета.

Она летала на самолете только один раз, да и то в двухмесячном возрасте. Родители рассказывали, что весь полет она спала, причмокивая губами. Но стоило самолету совершить посадку, как маленькое очаровательное существо превращалось в грозного монстра, горланящего так, что у всех волосы вставали дыбом. Успокоить малышку мог только звук ревущих турбин. Он казался ей сладчайшей колыбельной песней.

После полета командир корабля ИЛ-18, выполняющего рейс Анадырь – Москва, прикрепил к Олиному одеяльцу свой значок-птичку со словами:

– Держи, юная летчица! Это тебе на счастье!

И сейчас Оля идет по летному полю, сжимая в кулаке ту самую «птичку». Теперь она знает, что пилоты – сердце большой железной птицы по имени Самолет.

Оля поднялась по трапу, вошла внутрь самолета, вдохнула незнакомый запах железной птицы, сказала:

– Привет! Меня зовут Оля. Я сегодня лечу с тобой. У меня первый рейс. А у тебя их было много. Ты выполнил их все на отлично. И сегодня мы с тобой все сделаем так, как надо.

⁷ Мадрид со своими современными кварталами и многочисленными старинными улочками совсем не похож на большие европейские города.

Волнение прошло. Душу наполнила радость и гордость от того, что она, Оля Верещагина – настоящая стюардесса. Она прошлась по салону. Ей показалось, что кресла с белыми подголовниками внимательно наблюдают за каждым ее движением.

– Всем доброе утро! – раздался бодрый мужской голос. Оля обернулась.

– Здравствуйте, товарищ командир.

– Новенькая? – спросил он.

– Да, я на практике, – смущенно ответила Оля.

– Значит, ты решила из разряда простых людей, которые ежедневно ходят на работу по одним и тем же улицам, перейти в разряд небо жителей, рожденных под знаком птицы, которые взмывают выше облаков, чтобы выбравшись из дождя, снега, слякоти и тумана увидеть над облаками солнце? – спросил он с улыбкой.

– Да, – Оля кивнула.

– Молодец. Правильное решение, – похвалил ее командир. – Работа наша замечательная, небесная. Ты только подумай, земные люди идут на работу в офис, а мы идем на работу в Париж!

– Это так романтично: на работу в Париж! – сказала Оля.

– Привет, романтик, а ты тип нашего самолета знаешь? – поинтересовался усатый бортинженер, которого в экипаже называли – пан смазчик. Еще в экипаже были пан блудило – штурман и пан колупайло – второй пилот.

– Наш самолет ТУ-154, – отчеканила Оля.

– Правильно. Но мы любовно называем его «Тушкой», – сказал командир. – А меня ребята паном водилой зовут. Это наш пан смазчик всем звучные имена придумал, а они прижились. И не только имена. Стихи о самолете тоже его рук дело. Слушай.

Позволь я расскажу о самолете,
Который иногда берет меня в полет.
И как его, родимого, в сердцах не называют:
И «тушкой», и «полтинником», «аврорю».
И вот —
Уйдя в другой отряд, навеки забывают,
Что он прокормит нас и весь Аэрофлот.
А укротить его считается везеньем —
И с ветром далеко не кончен вечный спор
«Аэродинамическое недоразуменье»,
«Неуправляемый, летающий топор».⁸

А, если серьезно, то у каждого самолета свой нрав, свой голос, своя стать. Я его спрашиваю: «Помнишь ли девушку ту?», а он мне отвечает: «Ту? Ту... Ту сто пятьдесят четыре!» Вот какие у нас замечательные говорящие «тушки».

Мало того, в кабине есть переговорное устройство, по которому можно связаться с вашей службой. Нажимаешь кнопочку на панели и докладываешь:

– Я – стажер Иванова осмотр самолета произвела. Мин нет. Экипаж трезвый, никто не пристает, за руки не хватает. Люди подобрались творческие, талантливые: командир песни поет, второй пилот картины рисует, штурман стихи пишет, бортинженер виртуозно на гитаре играет. Надеюсь, полет пройдет в дружеской атмосфере. Командир безопасность полета гарантирует.

⁸ Евгений Трофимов, бортинженер 63 л/о

Оля поняла, что про переговорное устройство пан водило насочинял, но виду не подала. Ей было весело смотреть на взрослого дяденьку, который болтает глупости, как пацан.

– Кстати, – командир вдруг посерьезнел, – авиатранспорт – самый надежный и безопасный вид транспорта! Он стоит на шестом месте по количеству аварий. А на первом, между прочим, автомобильный транспорт. Так что – летайте самолетами Аэрофлота! Главное в нашей профессии – ничего не бояться.

– А я и не боюсь. Я даже люблю, когда страшно, – выпалила Оля.

– Вот и прекрасно! Вот и молодчина! Теперь тебе остается также лучезарно улыбаться пассажирам, помня, что ты из простой девушки по имени Оля превратилась в Стюардессу! Это превращение похоже на превращение гадкого утенка в прекрасного лебедя, то есть это превращение сказочное. Не забывай! – командир подмигнул ей и запел. Голос у него был необыкновенный, да и слова так понравились Оле, что она потом еще долго-долго повторяла:

Стюардесса, стюардесса —
Ты небесная принцесса.
В серебристом самолете
В страны дальние летишь.
Стюардесса, стюардесса —
Ты нездешняя принцесса.
Восхищаются тобою Лондон, Рим,
Нью-Йорк, Париж.

Эта песенка навсегда осталась в Олиной памяти. Стюардесса – принцесса! Принцесса – стюардесса! Навсегда...

Пассажиры входили долго и шумно, Оле даже показалось, что их гораздо больше, чем мест в салоне. Но Лариса только посмеивалась: «Спокойно, Леля, сядут усе!»

Наконец посадка закончилась и, самолет двинулся на исполнительный старт. Двигатели гудели, набирая обороты и заставляя дрожать цельнометаллическую конструкцию. На краткий миг самолет замер, а потом помчался по взлетной полосе, чтобы, оттолкнувшись от последней плиты, легко взмыть в небо.

Оля ощутила необыкновенный восторг, когда самолет, вынырнув из толщи белых облаков, легко заскользил по невидимой дорожке, называемой воздушным эшелонем. Вокруг простиралась солнечная долина без конца и края.

– Днем здесь вечное солнце, а ночью вечная звездность, – подумала Оля. – Здесь хорошо и радостно, и ничто не может омрачить сияющее спокойствие этих мест.

– Хватит в окошко глазеть, – строго сказала Лариса. – Бери поднос, иди в салон.

– Я? – у Оли похолодели кончики пальцев.

– Ты, ты, дорогая. Или ты забыла, что ты на работе?

– Ларисочка, я сейчас... Я только дух переведу... Я же первый раз на самолете, – от волнения Оля даже стала заикаться. – Я же вообще первый, первый раз лечу... Я раньше никогда... я...

– Потом расскажешь, – сухо произнесла Лариса, вручая Оле поднос, на котором стояли маленькие стаканчики с водой.

Оля мертвой хваткой вцепилась в поднос, наблюдая, как в стаканчиках прыгают пузырьки газировки. Ее руки тряслись в такт прыгающим пузырькам, заставляя все двадцать стаканчиков дружно приплясывать.

– Ольга, улыбайся, твой первый выход на эстраду, – распахнув перед ней кухонные шторы, сказал Сергей и состроил смешную гримасу. – Не бойся, мы тебя с тыла прикроем. Если что, кричи.

– Ладно, – Оля улыбнулась и шагнула в салон.

Ее решительность сразу же улетучилась, при виде множества любопытных глаз, нацеленных на нее. Ей показалось, что все пассажиры видят, какая она неуклюжая. Все знают, что она летит первый раз и ужасно нервничает. Чтобы скрыть неловкость, Оля начала твердить «Пожалуйста. Пожалуйста!» А голову сверлила одна-единственная мысль:

– Только бы не уронить этот поднос кому-нибудь на голову. Только бы...

– Умница, у тебя все классно выходит, – подбодрила ее Ира, вручая следующий поднос.

– У меня такое чувство, что наш самолет увеличивается в размерах. Я никогда не дойду до последнего ряда, – простонала Оля, шагнув в салон все с той же мыслью: «Только бы никого не облить! Только бы...»

Все произошло как-то само собой. Оля протянула поднос. Пассажир странно взмахнул руками, и стаканчики один за другим забарабанили по его русоволосой голове.

– Ура! – закричал пассажир. – Меня облила настоящая стюардесса!

– Простите, простите, – пробормотала Оля, радуясь, что на подносе было не двадцать, а всего пять стаканчиков, и что от минеральной воды следов не остается.

– Да брось ты свои стаканы, Ольга, Оленька, Оля! – схватив ее за руки, приказал пассажир.

Оля подняла на него глаза и выдохнула:

– Вы? Нет, это сон, этого просто не должно было произойти в реальной жизни.

– Но это произошло! Мы встретились на высоте десять тысяч метров, – сказал Александр. – Мало того, я загадал, что женюсь только на той стюардессе, которая меня обольет водой, втайне мечтая, что это будете вы, Оля, Олечка, Ольга. И меня облили именно вы, хотя, по теории вероятности ваши шансы были равны нулю. Но... именно этот ноль и превратился в десятку! Я счастлив! Вы себе даже представить не можете, как же я счастлив!

Оля смотрела на Александра и не могла поверить, что это тот самый мужчина, из-за которого она стала не просто стюардессой, а небесной принцессой. Мало того, этот неприступный, высокомерный человек смотрит на нее влюбленными глазами. Этот взгляд говорит больше, чем следовало бы.

– Вы ночуете в Ташкенте?

– Да, – ответила она.

– Значит, я приглашаю вас посетить восточный базар. Массу сюрпризов и не меньшее количество интересных историй я вам гарантирую. Мы отведаем ароматные дыни, виноград, гранаты и даже лысые персики.

– Лысые? Из-за чего они полысели? – спросила Оля.

– Они не полысели, их побрили, – рассмеялся Александр. – Неужели ты ни разу не видела лысых персиков?

– Ни разу.

– Сегодня ты их не только увидишь, но и попробуешь, – пообещал он.

Обещание свое он сдержал. Забрал Олю из гостиницы и повез на базар. Они ходили вдоль рядов и наслаждались ароматами вкусов и запахов.

Александр крепко прижимал ее руку к своему боку, чтобы она не потерялась, и говорил без умолку. А Олю не покидало чувство, что все это с ней уже было, что он уже водил ее по базару, прижимая руку к своему боку, что уже кормил ломтиками дыни, истекающей сладким нектаром, и говорил смешные глупости...

Оля знала о том, что перед ними должен возникнуть странно вида старичок. Поэтому, когда он появился словно из-под земли, она радостно воскликнула:

– А вот и вы, здравствуйте!

Старичок, одетый так, словно на дворе был не двадцатый, а восемнадцатый век, причмокивал губами, повторял: «Вах!», что, по-видимому, означало восторг. Он толкал перед собой выдавшую виды покореженную детскую коляску, на которой лежали три больших лысых персика, нагло развалившись на серой тряпице. Персики были сочными и румяными. Они сами просились в рот. Вах!

Пока Александр расплачивался, Оля внимательно рассматривала странный наряд старичка. Одежда его хоть и была ветхой, но не утратила былой роскоши. Кое-где на ткани поблескивал золотой орнамент. На совершенно седой голове был надет странный тюрбан с дорогим камнем в самом центре. Ровный клинышек седой бороды смешно поднимался вверх, когда старичок шевелил губами. А в белесых глазах подрагивали огоньки, похожие на пламя свечей, дрожащее на ветру.

Олю развеселили дырявые длинноносые башмаки, из которых торчали большие, крепкие пальцы. Пальцы на руках и ногах шевелились одновременно.

Старичок пересчитал деньги, сказал свое: «Вах!» и исчез так же внезапно, как и появился. В руках у Оли остались три наглых лысых персика. Александр взял один, вытер носовым платком и поднес к Олиным губам. Она прикрыла глаза и вонзила зубы в мякоть лысого наглеца. Сладковатая мякоть растаяла на языке, наполнила Олин рот нектаром, а душу необъяснимым восторгом. Оля откусила еще кусочек и поняла, что персик имеет лишь косвенное отношение к тем чувствам, которые переполняют ее, а прямой виновник всего Александр. Это он касается Олиных губ своими губами. Сладкий нектар, тающая во рту мякоть и упругие, горячие губы Александра заставили Олю ощутить чувство полета.

Оля выдохнула: «Ах!» и сжала лысые персики, лежащие на ладонях. Брызнувший сок потек сладкими ручейками с Олиных рук. Александр присел на корточки и подставил лицо под льющийся нектар. А она давила, давила, давила податливую мякоть до тех пор, пока в руках не остались лишь крепкие косточки...

Вечером Александр проводил Олю до гостиницы. Красивым, ровным почерком написал свой московский адрес и телефон, поцеловал ее в щеку и ушел.

– Где твои покупки? – поинтересовалась Лариса, когда Оля перешагнула порог.

– Покупки? – Оля удивленно посмотрела на Ларису, не понимая, что от нее хотят.

– Девочка, ты зачем на базар ходила? – задала наводящий вопрос Ира.

– На экскурсию, – улыбнулась Оля, сжимая в ладони листок с адресом Александра.

– Ах, на экскурсию, она ходила. Ну, тогда ладно. Тогда спать ложись, – засмеялись Лариса.

– Только заруби себе на носу, детка, что второй раз в Ташкент не ставят, – зло проговорила Ира. – Тебя предупредили, что Ташкент хлебный рейс. Значит, надо понимать, что «хлеба» всем хочется. Мы этот рейс полгода ждали. Фруктов набрали себе и своим не летающим товарищам. А ты на экскурсию сходила. Это не солидно. Я бы даже сказала, что это неправильно, не по-Аэрофлотовски. Мы должны проявлять заботу о ближних, поняла?

– Поняла, – буркнула Оля. – Просто мне ничего не надо.

– Глупости, – рассердилась Лариса. – Завтра утром купишь пару дынь. И не смей мою бригаду позорить. Из Ташкента все везут дыни, поняла?

– Но...

– Нечего выпендриваться. Раз ты с нами, то должна быть, как все.

– Почему? Зачем? – воскликнула Оля.

– Не задавай глупых вопросов. У нас во Внуково существуют определенные правила, и ты должна их выполнять. Между прочим, через два месяца мне придется написать тебе характеристику, – Лариса ткнула себя пальцем в грудь. – И от того, что я напишу будет зависеть твоя дальнейшая судьба. Так что, советую быть умненькой, благоразумненькой девочкой.

Глядя на Ларису, Оля вспомнила детскую считалочку: «Аты-баты шли солдаты...» и поняла, что проиграла. На душе стало скверно и пасмурно от того, что ее летная карьера зависит теперь от расположения Ларисы с двумя «С», которая будет требовать выполнения своих абсурдных приказов. Что делать Оля не знала, поэтому решила молчать.

– Вы все, Шереметьевские, с гонором. Все из себя строите невесть что, а поработали бы лет десять во Внуково, как я, хлебнули бы нашей советской романтики, тогда бы носы не задирали, – выкрикнула Лариса.

Оля вспомнила смешного старичка, счастливого Александра, тягучую, липкую мякоть лысого персика и, улыбнувшись, тихо проговорила:

– Милая Лариса, это прозвучало, как «dear children» у КВНа, я совсем не виновата, в том, что ты летаешь во Внуково, а не в Шереметьево.

– Не виновата, – подтвердила Лариса. – Просто мне уже тридцать три. Через два года скажут: «Аривидерчи, Лора!», а у тебя все еще впереди, ты молодая, красивая и до неприличия счастливая. Да еще со своим юношеским максимализмом: «мне ничего не надо, у меня все есть!»

Последние слова Лариса произнесла совсем тихо, снова став милой девчонкой, подружкой, одноклассницей.

– Лорка, неужели тебе тридцать три? – не поверила Оля.

– Мне тридцать три, я догнала Христа, и «если завтра выходной дадите, то дотяну, наверное, до ста». Но вы до ста летать мне не дадите, – грустно сказала Лариса, присев на край кровати.

– Не дадут, гады, – поддакнула Ира, обняв Ларису. – Дался им этот возраст. Кто придумал цифру тридцать пять? Почему тридцать пять? У меня что, мозги высохнут или я внешне сильно изменюсь? Почему, почему в тридцать пять у нас должна закончиться жизнь? Бред, бред сивой кобылы...

– Точно. Вис из ве бред оф ве сивый кёбыл, – произнесла Лариса и расхохоталась, а потом откинув волосы со лба, продекламировала:

Последний рейс раскрыл тебе объятья,
Свел в экипаж покладистый народ,
Кого среди Аэрофлота братьев
Увы, встречать не каждому везет.
Еще не скоро будут мемуары.
Дай Бог. Лишь треть по жизни ты прошла.
Коль «истина в вине», пусть растолкует чара,
Чего лишила треть и, что дала.
И мед и соль дарованного хлеба,
И странствий годы – счастья пусть аванс.
Не хлопай дверью, уходя из неба:
Ведь рейс последний, не последний шанс.
Впредь оставайся в обществе кумиром,
Хозяйки неба выучив урок,
Украшишь ты любое место мира —
Загадочного неба лепесток...

– Эти стихи Игорь Куликов написал для нашего бригадира Мариночки Шустовой. А назвал они их «Уходящим из неба», – сказала Лариса, вздохнула. – Да, жизнь наша летная

короткая... Мариночка больше не летает. Она теперь в службе наряды отвечает.⁹ А Игорек перевелся в Шереметьево. Стал богатым-пребогатым. Строит большущий дом, в котором смогут собираться летающие барды, летающие поэты и поэтессы, поющие и пьющие стюардессы и просто классные бортпроводники, которым есть о чем поведать миру. А то ведь большая часть населения, по мнению того же Игорька, живет по принципу: «придирчивы к чужим словам, таим обиды, их итожим. Случись же высказаться нам, порой двух слов связать не можем». Так что, не итожь обиды, Ольга.

– И на нас не сердись, пожалуйста. Мы девчонки нормальные. Просто накатило что-то. Наверное, это зависть. Обычная, глупая бабья зависть, – протянув Оле руку, сказала Ира.

– Да я и не сержусь, – улыбнулась Оля. – Будем считать, что это была притирка характеров.

– А в знак примирения, мы тебя будем Шереметьевской курицей фифой звать, идет? – хитро улыбнулась Лариса.

– Идет! Зовите хоть горшком, только в печку не ставьте, – Оля рассмеялась и пошла в ванную комнату, чтобы, стоя под струями воды, думать об Александре и воскрешать в памяти детали их романтической прогулки...

После чудесной, неожиданной встречи Оля больше не боялась выходить в салон. Наоборот, ей доставляло несказанное удовольствие общаться с пассажирами. Все они были желанными гостями в ее доме-самолете.

Чувствуя ее расположение, ее желание угодить, выслушать, помочь побороть страх, пассажиры успокаивались. Им уже было не страшно лететь. Они с благодарными улыбками принимали из Олиных рук шуршащие пакеты-подарки, как их называли бортпроводники, в которых лежал кусок черного хлеба, «огрызок» киевской колбасы, плавленый сырок «Лето» или «Дружба» и крутое яйцо, которое Оля называла прямым, из-за того, что оно напоминало ей резиновый ластик. Но на вопрос: «Что надо делать с яйцом, чтобы из него вышел резиновый ластик?» – никто ответить не мог.

Пассажиры ели прямые яйца с колбасой и хлебом, шуршали пакетиками и улыбались. Оле было невыносимо стыдно за ненавязчивый советский сервис на борту самолета, но она ничего не могла изменить в этой, отлаженной работе.

– Смотри и запоминай, – назидательным тоном говорила Лариса. – Потом расскажешь своим подружкам про наш Внуковский сервис. Про наши самолеты, где пассажиры сидят друг у друга на коленях и делают вид, что они счастливы. Правда, бывают и недовольные элементы. Без бубликов не прожить. Был у меня такой случай: заходит в салон шикарно одетый, толстый дядя с большим портфелем. Вид весьма интеллигентный. Я улыбаюсь, а он вдруг с пренебрежением спрашивает: «Ну и когда же этот ваш сарай полетит?» А я ему в ответ: «Сейчас всю скотину загоним, и начнем взлетать. Занимайте скорее свое место, любезный, не затрудняйте проход», – Оля хихикнула. Лариса погрозила ей пальцем и строго сказала:

– Только ты, Ольга, так никогда не говори. С меня пример брать не стоит, потому что пассажиры ни в чем не виноваты. Они заплатили деньги и хотят получить максимум удовольствия. И нам, милая моя Шереметьевская курица фифа, придется пускать в ход все свое обаяние, выкручиваться, из ничего создавая сервис, прикрывая недочеты и огрехи наземных служб, потому что мы с тобой, Олечка, стюардессы – лицо авиакомпании. Люди видят нас, а не тетю Маню, которая прямые яйца варит и пакует в шуршащие пакеты.

Это не за ней, а за нами народ в щелочку подглядывает. Интересно им, что мы там, на нашей маленькой, сексуальной кухне делаем? Каким таким сексом занимаемся?

⁹ Наряд – служебная информация для бортпроводников о маршруте полета, времени вылета, типе самолета, составе бригады.

А мы там дорогим нашим пассажирам еду готовим, работая за себя и за того парня, который остался на земле. Но народ не верит нам, потому что психология у него такая. Люди верят, что за закрытой дверью спрятана тайна.

Вспомни русские народные сказки. Если главному герою говорят: «Открывай все двери, а эту не смей!», то он обязательно запретную откроет, запретный цветок сорвет, запретный плод отведаёт...

Но всех наших тонкостей пассажиры узнать все равно не смогут, хоть и подглядывают за нами. Не узнают они, что в бригаде у нас вместо пяти человек четверо, что приема на работу нет, что тридцатипятилетних, опытных людей за борт отправляют, что скоро совсем работать некому будет, одни начальники останутся.

У нас ведь на каждую бригаду по инструктору. Придет такая важная инструкторесса, книжечку откроет и весь рейс будет читать да кофеек попивать, а потом послеполетный разбор начнет проводить, выявляя недостатки в нашей работе. Да я и без нее все недостатки сама вижу. Лучше бы она подсчитала, сколько раз я, нежное создание, весом в шестьдесят килограмм, подняла контейнер весом в восемьдесят килограмм, радостно сообщая, что вес взяла Лариса Мельцер Советский Союз! Нам должны аплодировать и кричать: «Ура!», а вместо этого сплошные недовольства. В салоне плохо пахло, воды маловато было.

Запах в салоне мы не портим, а за газированную воду для пассажиров, между прочим, бортпроводники свои денежки выкладывают, которые никто, кстати, не компенсирует.

– Ларис, как же это можно всех пассажиров за свой счет напоить? – удивилась Оля.

– Запросто, – сказал Сергей и объяснил изумленной Оле, что бортпроводник, ответственный за «кашу», то есть за питание пассажиров, должен оставить в цехе бортпитания задаток за бутылки в размере от пятидесяти до ста своих кровных рублей. После рейса деньги ему вернут в количестве прямо пропорциональном количеству бутылок, вернувшихся на базу.

– Если же по счастливой случайности, бутылок будет больше, то прибыль заберут работники цеха. Потому что бортпроводники – птицы, а птицам деньги не нужны. Им же безумно много платят – целых восемьдесят рублей в месяц!

Лифтер, для сравнения, получает сто двадцать чистыми. А я большую половину зарплаты должен отдать за бутылки, чтобы поддержать имидж авиакомпании.

– Ладно, Серега, не заводись, – погладила его по голове Ира. – Мы же не лифтеры, не какие-то там мусордессы, мы – бортпроводники! У нас экзотическая работа, небесная...

Да, экзотики было хоть отбавляй. Олю поразил северный город Певек. Маленькое, одноэтажное здание аэропорта – деревянный барак, на крыше которого красовалась надпись: Певек – Пеекин. Дощатые мостки вели к гостинице – единственному двухэтажному зданию.

Растительности никакой. В июле уже падает снег, по-зимнему завывает ветер. У Оли окоченели руки, и посинел нос. Лариса предупреждала, что надо взять теплую куртку, но Оля, думая, что это очередной розыгрыш, взяла лишь свитер. Поэтому до гостиницы она бежала бегом, надеясь там согреться. Но не тут-то было. Огромная комната, в которую их поселили всей бригадой, оказалась ужасно холодной. Отопление пока отсутствовало, лето же на дворе.

– К августу включат, – пообещала администратор гостиницы. – А пока можете кровати сдвинуть и греться. Если хотите, летчиков с вами вместе поселим, теплее будет.

– Спасибо, не надо, – буркнула Лариса. – Мы уж как-нибудь, отдельно. Хватит с нас вашего общего туалета.

Общий туалет произвел на Олю неизгладимое впечатление: за тонкой дверью с огромными щелями находилась маленькая, обледенелая дырка, вырытая прямо в вечной мерзлоте. Дверь самопроизвольно распахивалась, выставляя на всеобщее обозрение место общего пользования, испачканное нечистотами постояльцев.

Воды в гостинице не было. Не графья. Хорошо, что предусмотрительный Серега сунул каждому по две бутылки минеральной воды, строго наказав, посуду вернуть на борт в целостности и сохранности.

Наскоро умывшись, Оля юркнула в холодную постель и моментально уснула.

Потом, побывав в настоящем Пекине, она поняла, как далеко ушел Китай от великого, могучего Советского Союза. У китайцев были семимильные сапоги, а у нас лапти.

В другой северный город Анадырь, расположенный на Чукотском полуострове, Оля попала в августе. Город ее поразил. Угольно-черная земля напоминала марсианский пейзаж. Хлопья белого снега не могли скрыть эту черноту. Она словно впитывала эту белизну в себя, но насытиться не могла. Карликовые деревья прижимались к земле, прячась от ветра. По улицам гуляли тощие коровы, похожие на больших московских собак. Коровы останавливались у мусорных контейнеров и вытягивали из них что-то съестное.

– Неужели, эти коровы еще и молоко дают? – подумала Оля. – Молоко у них, наверное, такое же помоечное, как и еда. Бедные люди, как они здесь живут в домах, стоящие на сваях, как на ходулях.

Даже солнце в Анадыре вело себя странно. Особого тепла оно не давало, а опасливо пряталось за огромную, черную гору, оставляя апельсиновый отсвет на свежеснеженном снегу. Оля смотрела на оранжевую дорожку и вспоминала мамин рассказ.

– Анадырь – большой город. Его как-то сразу принялись застраивать. Уголь здесь лежит под ногами, бери. Но нужны рабочие руки. Вот и стали здесь дома на сваях возводить. Приезжие в квартиры селились, а чукчи, ненцы, эскимосы коренные жители этих мест, жили в чумах и юртах. Они не понимали, как можно жить всем вместе, в конструкции на куриных ножках. Общий кагал они не понимали, держались обособленно.

Еще их пугало то, что в домах вода сама по трубам вверх поднимается, а воду чукчи боятся. Повторяют непрерывно: Вода – плохо. Вода – шайтан.

Мы видели, как тонул человек, а вокруг стояли чукчи и молча, безучастно наблюдали. Человек из последних сил цеплялся за ломающуюся льдину, кричал, звал на помощь, но никто не двигался с места, никто не пытался помочь. И, знаете, почему?

Нельзя помогать тому, кто попал в беду по своей глупости. Нельзя подходить к чужой проруби. Сделай свою и лови рыбу, а чужую лунку не тронь. Сделал плохо, попался в плен к духу воды. Выпустит он тебя – хорошо. А не выпустит – значит так надо. Ты сам наказание себе выбрал.

Мы, конечно же, не стояли на месте. Но пока мы пробивались через плотное кольцо молчаливых наблюдателей с равнодушными лицами, человека не стало. Наступила жуткая тишина.

Мне потом долго-долго снилось черное кольцо проруби с острыми, ледяными краями, окрашенными солнцем в оранжево-красный цвет, цвет апельсиновой кожуры...

– Цвет апельсиновой кожуры, как насмешка вечности, – сказала Оля и побрела в гостиницу, которая была на класс выше, чем гостиница в Певеке. Здесь уже был туалет и даже душ. Правда вода давалась по расписанию: час утром и час вечером. Но это уже можно было считать цивилизацией.

Утром Оля распрощалась с Анадырем без малейшего желания посетить это город еще раз. Ностальгии по вмерзшему в вечную мерзлоту пространству, окруженному угольно-черными горами, угольными копиями и черной водой Чукотского моря, у Оли не возникло. Она порадовалась тому, что папину часть вовремя перевели отсюда поближе к Москве...

За два месяца полетов во Внуково, Оля побывала в Хабаровске, Иркутске, Улан-Уде, Сочи, Анапе, Киеве, Братске – далеких красивых городах, которые она никогда не смогла бы увидеть, если бы не стала стюардессой.

Оля мысленно благодарила Александра, но нарочно не звонила ему. Она запрятала его адрес в одну из многочисленных книг, стоящих на книжных полках. Конечно же, она помнила

название книги, в которой лежал Сашин адрес. Разве могла она забыть любимого Доктора Живаго? Нет. Она просто тянула время. Ей хотелось, чтобы Александр сам разыскал ее в миллионной Москве. Иначе все слова, сказанные им в Ташкенте, когда он собирал персиковый нектар с ее рук, теряли смысл.

– А смысл, глубокий, философский смысл должен быть во всем, – повторяла Оля, когда-то услышанную фразу. Эта фраза глубоко въелась в ее память, как «май наме из», как «Madrid con sus barrios modernas», как «пустой контейнер», как стюардесса с двумя «С», как апельсиновый отсвет на белом снегу...

Как распяты, оконная рама —
Охлажденье горячему лбу.
– Все пройдет, – повторяю упрямо.
– Все пройдет, я без вас проживу.
Солнце краской оранжевой брызнет
И, заставив утихнуть пургу,
Апельсиновым цветом раскрасит
Мне дорогу на белом снегу.
И по узенькой этой дорожке
Я с распятым пойду на груди,
Чтобы встретить того, кто поможет
Одолеть мне остаток пути...

Оля стояла на эскалаторе, который ехал вниз, и рассматривала людей, которые ехали вверх. Вот строгий гражданин, обиженный на весь мир. Вот легкомысленная дамочка, вот сладко целуется влюбленная парочка, не обращая ни на кого внимания. Вот веселые студенты с гитарами, а вот бородатый парень с рюкзаком, наверное, геолог...

– Оля! Оленька! Ольга! – закричал геолог и рванул вверх, перепрыгивая через ступени.

– Александр? – произнесла она, не решаясь поверить в то, что это не сон. А, поверив, закричала: «Александр!» и побежала вверх по эскалатору, движущемуся вниз.

Их голоса смешались с шумом эскалатора, заставив людей, едущих вверх и вниз, встрепетаться, принять участие в происходящем спектакле, гениальность которого заключалась в импровизации. Никто из зрителей не догадывался, что для Оли и Александра эта встреча была необходимым, желанным продолжением зарождающейся любви.

Оля бежала вверх навстречу людям, спешащим вниз, но никак не могла преодолеть движущиеся ступени, как ни старалась.

– Да подождите вы его внизу, – услышала она чей-то совет.

Но разве слушает советов вырвавшаяся из берегов река? Разве можно остановить волну Цунами, зародившуюся в океане? Разве можно обуздать страсть, потушить бушующий пожар любви?

Оля упрямо бежала вверх. Она замерла только тогда, когда увидела бегущего вниз Александра.

– Почему ты исчезла? Куда ты исчезла? – крепко сжав ее руку, воскликнул он.

– Работы было много. Лето – пора отпусков... – ответила она.

– Все не то, не то... – заговорил с жаром Александр. – Мы с тобой, вернее... я говорю какие-то банальные глупости вместо того, чтобы честно признаться, что я ужасно, безумно тосковал по тебе. Я понял, что должен постоянно видеть тебя...

Ты нужна мне ежеминутно, ежечасно... Я чуть не свихнулся от двухмесячного ожидания нашей новой встречи. Как я ругал себя за то, что не взял твой адрес. Не пропадай. Не исчезай из моей жизни. Не улетай...

Где найти мне для слов место.
В сердце черством совсем не просторно.
Почему же оно покорно
Благосклонным твоим жестам?
Вот бы мне разгадать тайны
Твоих мудрых у глаз морщинок:
Знак-то радости или кручины,
След страстей иль потерь печальных?
Нет, тебя я не знаю пока,
Не делил я с тобой скитанья.
Но уж раб твоего обаянья,
Твой покорный и верный слуга...¹⁰

Они стояли в нескольких шагах от эскалатора, а людской поток безропотно обтекал их с двух сторон.

– Что мы здесь стоим, как две сироты? Поедем ко мне? – предложил Александр. Оля пожала плечами, потому что боялась своим поспешным согласием спугнуть счастье, которое представилось ей маленькой дивной птичкой, способной улететь в любой миг.

– Я заварю тебе фантастический чай из горных трав, – голос Александра стал настойчивее. Он понял, что нужно действовать, чтобы не потерять ее снова. – Поедем, я буду петь тебе до полночи стихи. Я буду рассказать тебе о необычайной красоте гор, о том, как я бороздил морские просторы... Про всю свою жизнь расскажу тебе потом. А сначала я должен сказать тебе, что ты самая, самая, самая единственная.

Ты – богиня в речах и движениях,
Небом посланный, ангельский птах.
Находиться в твоём приближенье,
Словно в света купаться волнах.¹¹

Ты станешь моей женой сегодня и навсегда. Понимаешь, на-всег-да? – скороговоркой выпалил Александр. Он очень боялся, что дивная птица счастья улетит, если он сейчас же ее не посадит в золотую клетку своей любви, своих чувств, своего обожания.

– На-всег-да, – Оля вспомнила свой сон про темную лестницу, по которой она когда-то бежала за Александром, улыбнулась, поняв, что догнала его. Догнала, перешагнув сразу через четыре ступеньки, разделяющие их. Нет, не перешагнула, перелетела через ненужные ступени, чтобы опуститься на завораживающий и пугающий своей неизвестностью айсберг по имени Александр, Саша, Шурка...

¹⁰ Игорь Куликов бортпроводник.

¹¹ Игорь Куликов.

Ночная ведьма

С Марией Николаевной Поповой Оля встретилась случайно. Они столкнулись у дверей службы.

– Мария Николаевна! – радостно закричала Оля. – Вы меня, конечно, не помните...

– Помню, милая, – улыбнулась Мария Николаевна. – Стюардессой ты стала, а замуж за Александра вышла?

– Ах, вы и имя его помните! – восхитилась Оля. – Да, мы уже четыре года женаты. У нас растёт сын Артемка. Спасибо вам огромное. Я так мечтала с вами встретиться, поговорить, расспросить вас обо всем. Можете вы со мной поговорить? У вас есть время?

– Есть у меня время, милая, – улыбнулась Мария Николаевна и, взяв Олю под руку, повела за собой.

Они поднялись в ресторан и сели за самый дальний столик у окна. В окно был виден перрон, где двигались и беззвучно взлетали самолеты. А напротив красовалась «рюмка» – визитная карточка аэропорта Шереметьево.¹²

– Сколько хлопот было с установкой этой «рюмки», – глядя в окно, проговорила Мария Николаевна. – Почва здесь трудная пльвун. Он никак не поддавалась людям. Но, терпение и труд сделали свое дело. Стоит наша «рюмка», и все ею любят.



Они немного помолчали, а потом Мария Николаевна спросила:

– Ты знаешь, как называли первых летчиков?

– Авиаторами, – ответила Оля.

– Правильно. Но были среди них не только мужчины. Первые женщин летчиц называли – авиатриссы.

Оля сразу вспомнив Ларису Мельцер – стюардессу с двумя «С», и подумала: «Знай Лорка про авиатрисс, обязательно бы вворачивала в свою речь это словечко с двумя «С».

– Первой авиатриссой стала Лидия Васильевна Зверева в 1911 году. Второй – Евдокия Анатра. Третьей – известная певица Молли Море – Любовь Александровна Галанчикова. Она, между прочим, была шеф-пилотом у Фоккера в Германии, установила несколько рекордов дальности при перелете Берлин – Париж.

¹² Рюмки больше нет. Ее снесли при строительстве нового аэровокзала.

Были среди летчиц дамы из высшего сословия. Княгиня Евгения Михайловна Шаховская самостоятельно летала на самолете «Райтер». А в 1913 году была даже создана специальная школа, где готовили авиатрисс.

– А сейчас авиатриссы есть?

– Конечно, – улыбнулась Мария Николаевна. – Только не очень охотно берут женщин в авиацию. Хотя еще в 1934 году Марина Раскова утверждала, что женщины летают не хуже мужчин. Она говорила, что профессия летчика не возможна без риска, что человек, однажды испытавший счастье самостоятельного полета, уже никогда не изменит своей мечте. Разумеется, если у него душа настоящего летчика.

У Марины Расковой была душа настоящего летчика. Вместе с Валентиной Гризодубовой они совершали рекордные беспосадочные перелеты. В свои двадцать три года Марина уже преподавала штурманское дело в Военно-Воздушной Академии.

Поначалу, видя в расписании занятий надпись: «штурманское дело – преподаватель Раскова», слушатели думали, что произошла ошибка. Некоторые даже посмеивались: «Напишут же такое!» А когда Марина входила в аудиторию, то на нее попросту не реагировали.

Уважительно о Марине заговорили только тогда, когда ее назначили штурманом черноморской экспедиции и поручили прокладывать курс для полетов над морем в осенние дни в сложных метеоусловиях по новой трассе Одесса – Батуми.

А беспосадочный перелет Москва – Дальний Восток на самолете «Родина» прославил Раскову, Гризодубову и Осипенко на весь мир. Целых двадцать восемь лет никто не мог пролететь расстояние в шесть тысяч четыреста пятьдесят километров за двадцать шесть часов и двадцать девять минут, как наши девушки.

Правда этот полет не был легким. Из-за плохой погоды лететь пришлось за облаками на высоте семь тысяч пятьсот метров. Температура за бортом минус сорок. Самолет покрылся ледяной коркой. Вышла из строя радиостанция. Связь с Москвой прервалась.

Девушки приняли решение лететь по приборам. Вся надежда была на штурманский расчет Марины. Вскоре показался Амур. Но радость омрачила мигающая красная лампочка – горючее на исходе. Подходящего места для посадки нет, кругом тайга и болота. Гризодубова приказала Расковой прыгать, опасаясь, что в случае неудачной посадки Марина погибнет. Марина прыгнула.

Сильным порывом ветра ее парашют отнесло на приличное расстояние от места планируемой посадки. Марина осталась в тайге в полном одиночестве. Но не испугалась, не стала сидеть на месте, а двинулась вперед. Подруги ждали ее. Верили, что Марина найдет их, не зря же она штурманскому делу училась.

Ровно через девять дней Марина вышла из тайги недалеко от поселка Керби, точно к тому месту, где приземлился самолет «Родина».

Раскова, Гризодубова, Осипенко вернулись в Москву поездом. Их встречали, как настоящих героев. Мы были счастливы, что все закончилось благополучно. Никто не скрывал слез радости и восторга. Казалось, радость будет вечной, но...

Как-то вдруг сломалась, рухнула мирная жизнь. Страшное слово «война» бесцеремонно вторглось в нашу речь. Голубое небо, которое мы так любили, превратилось в грохочущее от рева самолетов, смятое, вздыбленное, огненное пространство.

С первых же дней войны мы все стали рваться на фронт. А Марина Раскова предложила создать женские авиационные части из летчиц Осавиахима и пилотов Гражданского Воздушного флота. В ЦК партии предложение обсуждали до осени. Наконец, решение о создании женского полка легких ночных бомбардировщиков было принято, а командовать им поручили Марине Расковой и Евдокии Бершанской. Никто и не подозревал, что через несколько месяцев женский полк будет наводить на немцев парализующий страх.

А секрет наш был простым. Мы летали на маленьких самолетах У-2 «уточках», как мы их любовно называли. Так вот эти «уточки» летали туда, куда было невозможно пробиться тяжелым бомбардировщикам. Мы научились летать с выключенными моторами на бреющем полете низко над землей. Появление наших самолетов было всегда неожиданным. Поэтому-то немцы нас и окрестили «Ночными ведьмами». Жаль только, Марина не порадовалась за нас...

Мария Николаевна замолчала, вспомнив, как ей было невыносимо больно, когда 12 января 1943 года хоронили Марину Раскову.

– Это противоестественно, неправильно, непоправимо, – твердила она, размазывая по лицу слезы.

Самолет, на котором летел экипаж командира женского Таманского полка ночных бомбардировщиков, майора Марины Расковой попал в сложные, тяжелейшие метеоусловия и потерпел катастрофу. Погибли все...

В день вылета Марина отослала маме и дочке письмо: «Дорогие мои, мамочка и Танюрочка... Посылаю вам привет и тысячу поцелуев... Все у нас в порядке, обо мне не беспокойтесь. Посылаю тебе ключи от нашей квартиры, которые улетели вместе со мной в моем кармане. Будьте умницы, мои дорогие, берегите здоровье... Целую вас, мои любимые...»

– Мои любимые, – вслух повторила Мария Николаевна и, словно очнувшись от воспоминаний, спросила:

– А ты мне о себе рассказывать будешь?

– Буду, обязательно буду, – сказала Оля. – Только потом, когда вы все расскажете о себе. Вы столько видели, столько пережили, столько можете поведать, что я должна превратиться в слух и не дышать. Я еще тогда, пять лет назад, должна была расспросить вас обо всем, а я начала вам щебетать про свою любовь, про свои невзгоды...

– Правильно сделала, что начала щебетать, – прервала ее Мария Николаевна. – Откуда же тебе было знать, что я военная летчица – авиатрисса, инструктор, командир звена «Ночных ведьм». Вот когда я тебе все о себе расскажу, а ты потом мимо меня пройдешь, это будет скверно...

– Ни за что не пройду, – замотала головой Оля.



– Верю, – сказала Мария Николаевна. – Я тебе сразу поверила, когда ты мне в плечо уткнулась. Были в этом жесте растерянность, мольба о помощи, беззащитность. Ты плакала а я вспоминала, как однажды мне так же уткнулся в плечо мой однокашник по Батайской школе пилотов – Анатолий, Толя Попов – наш первый красавец, по которому сохли все девчата. Мы были молодые, веселые, бесшабашные смеялись, песни пели, планы строили грандиозные, но... – она вздохнула. – К сожалению, война все залила кроваво-красным огнем, исковеркала людские судьбы, надломил даже самых сильных и смелых... Люди плакали и не стеснялись своих слез... Такое страшное время было.

С Толей Поповым мы встретились уже на Белорусском фронте. Шло стремительное наступление на Минск. Нашим полкам была дана задача искать разрозненные группировки немцев. На лесной поляне собралось сразу несколько мужских и женских летных полков. Мы все сроднились за это время. Знали друг о друге почти все, принимали живое участие в радостях и бедах. Читали одну на всех книгу Белинского... Она, к сожалению, сгорела в одном из самолетов... Но мы больше горевали не о книге, а о молодом пилоте, который не смог её прочесть...

Этот мальчишка погиб совершенно нелепо. Он вылетел на поиски немцев, перелетел речушку, находившуюся прямо за нашим леском, и попал под одиночный немецкий обстрел. Горящий самолет медленно опустился на берег реки. Штурману удалось выбраться из горящего самолета и передать сообщение командиру эскадрильи Анатолию Попову.

Толя незамедлительно помчался к месту трагедии, но ни пилота, ни самолет спасти ему не удалось.

Обратно Анатолий шел медленно, не разбирая дороги, размышляя о нелепости случившегося. Он был против этого вылета, но не смог переубедить командира полка, не смог насто-

ять на отмене приказа. Он жалел юного пилота, который и в полку-то побыл всего несколько месяцев.

– Не уберегли парня. Не уберегли, – твердил Анатолий. – Скорей бы конец войне... Скорей бы...

Думы его были такими тягостными, что он не сразу сообразил, куда идет. А шел он прямо на нас с девушками. Мы дружно крикнули ему:

– Здравствуйте, товарищ майор!

Он поднял глаза, долго-долго блуждал взглядом по нашим лицам, а потом удивленно проговорил:

– Маша? Тепикина? Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты, – засмеялась я. – Я командир звена «Ночных ведьм».

– Маша, милая, как я рад тебя видеть. Ты себе даже представить не можешь, как я рад этой встрече, – он схватил меня за руки и начал трясти так, что я думала он мне их оторвет.

– Да тише ты, медведь! – воскликнула я. Толя порывисто обнял меня и, уткнувшись в плечо, заплакал. Это были слезы ребенка, который наконец-то может излить всю свою боль, обиду, отчаяние, поняв, что его выслушают и поддержат. Он плакал, а я молча гладила его по голове и думала:

– Как странно порой складывается наша жизнь. Там, в летной школе, Толя даже не подозревал, что я была в него влюблена. Он ни на кого не обращал внимания, потому что был увлечен своей будущей женой, молоденькой, милой учительницей Танечкой...

Но так вышло, что милая Танечка не захотела долго ждать возвращения Анатолия с войны. Решив, что муж может погибнуть в одном из сражений, а ей будет очень трудно одной растить дочь, Татьяна ответила взаимностью на ухаживания молоденького капитана.

Толина мама все знала, но ничего не писала сыну, не хотела его расстраивать. Толя воевал, веря в любовь и преданность своей Танечки. Он ее безумно любил и старался найти любую возможность, чтобы повидаться.

Такая возможность появилась у Толи только в 1942 году. После освобождения Калинина он сумел выхлопотать себе трехдневный отпуск и помчался в Нальчик, где жили мама, жена и дочь. Мама сказала ему, что Татьяна с дочкой переехали в другой поселок... Скрыла она от Толи, что жена его сбежала с капитаном подальше от завистливых глаз да злых языков. Надоело ей слушать упреки в том, что она при живом муже, который защищает родину, с тыловой крысой развлекается.

Ничего не подозревающий Толя вбежал в новый Танин дом и замер, увидев на стуле капитанский китель.

– Я был убит. Нет, я был смертельно ранен блуждающим по телу осколком. Мне показалось, что вся кровь отлила к ногам, сделав их чугунными, – признался он мне. – Не знаю сколько времени я простоял молчаливым чугунным солдатиком, совершенно нелепым в этой невоенной обстановке чужого семейного уюта. Я не произнес ни слова. Нам не надо было ничего говорить. Нам не следовало ни о чем говорить...

Татьяна долго смотрела на меня огромными, полными слез глазами, а потом медленно опустилась на стул и, зажав рот двумя руками, начала мотать головой. Я неотрывно смотрел на нее и неспешно вытаскивал содержимое из своих карманов.

Потом поставил на стол вещмешок с продуктами, резко развернулся и пошел прочь. Боковым зрением я видел, как Татьяна зажала уши, ожидая, что я громко хлопну дверью. Но я прикрыл ее тихо-тихо, словно боясь потревожить, спугнуть невоенное счастье.

Вот так драматично закончился мой довоенный фильм с названием «Моя дорогая учительница». Я вернулся на фронт и начал искать смерти. Я искал ее с каким-то остервенением. А она обходила меня стороной, пугаясь моего упорства. Вот и сегодня погибнуть должен был я, я, а не этот пацан... Не Василий... Ах, Господи, что же это за наказание нам такое послано? –

воскликнул Толя. Вытер слёзы. – Прости. Прости меня, Маша, за слабость. Просто ты показалась мне такой родной-родной. Я всю жизнь мечтал жениться на учительнице, а теперь понял, что мне нужна сильная, волевая женщина, способная на самопожертвование... А значит она должна быть настоящей «Ночной ведьмой», – улыбнулся. – Спасибо тебе, Маша Тепикина, товарищ мой дорогой. Ты помогла мне понять, что жизнь продолжается, что не все так плохо. Да и войне скоро конец. Вон как немцы бегут. Значит, поживем еще, дорогая Мария Николаевна? Наверное, наша с тобой встреча была запланирована заранее там, на небесах. Встреча наша нужна была и тебе, и мне. И, если твое сердце свободно, то я готов...

– Вот война закончится, тогда и поговорим, товарищ майор, – сказала я строго.

– Молодец! – он пожал мне руку. Мы обменялись адресами и разлетелись в разные стороны.

Тогда, в нашу первую встречу, я ему не сказала, что до войны работала учительницей. Мне не было еще и пятнадцати, а я уже вела уроки русского языка в начальных классах. В 1934 году меня даже назначили инспектором по ликвидации неграмотности.

А в 1935 году я поступила в Свердловский педагогический институт на учителя математики. Наша студенческая жизнь была насыщенной и интересной. Мы занимались спортом, участвовали в художественной самодеятельности, устраивали литературные диспуты и вечера. Каждое утро веселая студенческая братия устремлялась по набережной от общежития к институту, а вечером в обратную сторону. Однажды в наш многоголосый студенческий поток влился учитель физкультуры и громко выкрикнул:

– В Батайской школе летчиков объявлен дополнительный набор! Берут не только ребят, но и девчат! Свои силы должны испытать самые спортивно подготовленные, то есть все!

Поток на миг замер, а потом начал нарастать шепоток удивления, восторга, возмущения и еще каких-то эмоций.

– Маша Тепикина, поезжай, – крепко сжав мою руку, попросил физрук. – У тебя обязательно получится, я уверен.

– Да нет, я не пройду по здоровью, – отмахнулась я. – Какая из меня летчица, Владимир Васильевич?

– Самая замечательная летчица получится, вот увидишь.

– Нет, не поеду, у меня сердечко пошаливает.

– Влюбилась, небось, вот и пошаливает. Не дури, Мария, второй такой возможности не будет. Попробуй, – настаивал он. – Самое главное пройти медицинскую комиссию. А за экзамены по русскому и математике я даже не переживаю. Ты же у нас одна из лучших в институте и по всесоюзному диктанту четверку получила. Надо ехать, Маша. Будешь ты у нас летчицей – авиатриссой! Это же фантастика! Ну, соглашайся.

Я живо представила летящий в небе самолет, себя за штурвалом, и решила поехать в летнюю школу.



Из института меня, конечно, не отпускали. В деканате меня долго уговаривали, упрашивали и даже приказывали остаться, но я была непреклонна. Наконец руководство института сдалось, и я отправилась в Батайск.

Так в 1936 году начался новый этап моей жизни – летная школа. Три с половиной года мы скрупулезно изучали устройство самолетов У-2 и П-5, постигали азы самолетовождения, прыгали с парашютом. После летной школы я получила направление в Семипалатинск. Вышла замуж за летчика.

Мы с мужем летали в одной эскадрилье, развозили почту и легкие грузы по трассе Семипалатинск, Павлодар, Лебяжье, Иргышск вдоль Иртыша.

Однажды повезла я почту в Усть-Каменогорск. Туда добралась благополучно. Дозаправиться не стала, уж очень домой торопилась. Лечу обратно вдоль реки Иртыш и чувствую, что скорость начинает падать. С чего бы это? Все приборы в норме, горючее есть, а скорость гаснет. Смотрю вперед, а над Семипалатинском высоченный столб песка стоит. Началась песчаная буря.

Поднялся такой сильный ветер, что я минут двадцать висела над рекой, не в силах перелететь ее. Запас топлива таял на глазах, а буря и не думала заканчиваться. Тогда я приняла решение садиться на запасной, санитарный аэродром, отругав себя за то, что не дозаправилась. Только я повернула к санитарному аэродрому, вихрь сместился в сторону, словно ожидал моего решения, испытывал меня на прочность.

Я моментально изменила траекторию полета, воспользовалась переменной ветра, чтобы сесть на базовый аэродром. Приземлилась благополучно, зарулила на свою стоянку, и винт заглох. Топливо было израсходовано полностью.

Все бросились обнимать меня, поздравляя с благополучной посадкой. Оказалось, что песчаный столб был высотой девяносто метров, диаметром тридцать метров, а скорость ветра

равнялась тридцати метрам в секунду. И, если бы я в этот столб попала, то не разговаривала бы сейчас с тобой... Но, к счастью, все обошлось благополучно, а я после этого случая больше не испытывала судьбу, всегда самолет заправляла.

Мария Николаевна улыбнулась, пригладила волосы и, глянув в окно, проговорила с ноткой грусти:

– Я перестала испытывать судьбу и тогда она решила испытать меня. В июле 1941 у нас с Петром родился сын. Но наше семейное счастье было недолгим. Жуткое слово «война» раздавило его своими кирзовыми сапожищами, уничтожило все, что было нам дорого.

Петра сразу же отправили на Южный фронт. Их эскадрилья сделала остановку в Ростове. Оттуда я получила первое и последнее письмо от мужа. Их самолет сбил немецкий мессершмитт над поселком Чаплинка...

Только я оправилась после смерти Петра, как новое горе обрушилось на меня: умер наш сынишка Ванечка. Земля ушла у меня из-под ног и я полетела вниз, в темноту, в пропасть. Но чьи-то сильные руки подхватили меня и заставили лететь вверх, в небо, дали почувствовать, что все изменится.

Я решила, что должна бороться с ненавистными фашистами. Я обязана отдать свою жизнь за свободу и независимость Родины. Я стала проситься на фронт. Но все мои просьбы отклоняли, объясняя, что я нужна здесь, в тылу, как опытный летчик-инструктор. В Актюбинской авиашколе ГВФ я подготовила более пятидесяти летчиков, работая днем и ночью.

Как-то раз прибегает ко мне Людочка Горбачева с радостной новостью:

– Маша, Маша, на двух летчиц разрядка в школу пришла. Двоих человек вызывают в Москву, в отдел ВВС! Давай проситься!

На следующий день прихожу к начальнику авиашколы и узнаю, что послать в Москву решено не меня, а Аню Замятину. Я принялась убеждать начальника, что послать на фронт нужно именно меня. Но он ни в какую не соглашался, аргументируя, что из Москвы получены уже подписанные документы на конкретные фамилии.

– А вы скажите, что мы вылетели раньше, чем документы прислали, – умоляла я его.

– И что ты так на фронт рвешься, девочка моя неразумная? – воскликнул он. – Думаешь там легче, чем здесь?

– Нет, не думаю, – сказала я, сжав кулаки. – Мне надо на фронт, мне надо... у меня уже никого не осталось, никого, а у Ани ребеночек маленький. Ему мамка нужна, понимаете?

– Понимаю, – он потупил взор, немного помолчал. – Ну, ладно, лети птенец отчаянный, что уж с тобой делать. Да меня потом, смотри, не ругай.

– Я вас лучше расцелую, товарищ командир. Вы Анечку спасли и меня счастливой сделали...



Вот так я и попала в сорок шестой гвардейский Таманский женский авиационный полк ночных бомбардировщиков и стала «Ночной ведьмой». Сделала шестьсот сорок боевых вылетов – это две тысячи сто девяносто девять часов. Уничтожила я два склада с боеприпасами, несчетное количество вражеской боевой техники и живой силы противника. Летом на задание мы вылетали по пять раз, а зимой по восемь. Однажды мне пришлось сделать аж пятнадцать вылетов. А в летную книжку записали мне только четырнадцать. Мой пятнадцатый полет приписали другой летчице.

Смешно сейчас все это вспоминать: кругом взрывы, пожары, смерть, а люди занимаются приписками, халтурят, подтасовывают факты, надеясь, что война все спишет. Многие тогда копили деньги, собирали трофеи, решая, куда это все потом приспособить.

А я все деньги маме и сестре отсылала. Трофеев я никогда не брала. Чужое добро мне ни к чему. От смерти ведь ни деньги, ни трофеи не спасут. Да и кто знает, какая в чужих вещах информация хранится. Может ты на себя чужую карму берешь. А зачем она тебе? Со своей бы справиться, свой бы рюкзачок с камнями до вершины дотащить.

– Мария Николаевна, а страшно было летать за линию фронта? – спросила Оля.

– Нет, страха не было. Сначала, правда, не отпускали тревога, волнение и беспокойство. Я в детстве пережила два страшных пожара, поэтому огонь был для меня чем-то зловещим, вселяющим цепенящий страх. А тут горит, полыхает вся линия горизонта. Но надо лететь, чтобы не нарушить приказ. Я собрала волю в кулак и полетела, решив бросить вызов огненному зареву.

Только пролетев над стеной огня, я поняла, что одержала победу. Огонь был там, внизу, а я парила над ним, недоступная его красным, горячим лапам. Тогда я сделала для себя важный

вывод: если мы поворачиваемся к страху лицом, а не спиной, то он сам убегает от нас. Он может управлять только слабыми, трусливыми людьми.¹³

– Я с вами согласна, – проговорила Оля. – Мы один раз во время полета попали в сильную грозу, оказались в самом эпицентре. Самолет мотало так, что невозможно было устоять на ногах. Мы взмывали резко вверх, потом стремительно летели вниз. По обеим сторонам борта сверкали яркие вспышки молний. Самолет трясся словно больной в лихорадке. Потом, когда мы вырвались из грозowych объятий, пилоты сказали, что чувствовали себя, как на войне. А я тогда подумала, что страх, поселившийся в душе, будет трудно победить. Он пустит корни, разрастется, как репей, сделает тебя безвольным существом. Поэтому надо гнать его прочь, не поддаваться ему.

– Правильно, – подтвердила Мария Николаевна. – Надо только раз найти в себе смелость перебороть страх, тогда он тебя сам будет обходить стороной.

Был в моей летной жизни такой случай: возвращались мы с Шурочкой, Александрой Акимовой с боевого задания. Облачность слоисто-кучевая, нас видно, как на ладони. Слышу, Шурочка кричит:

– Маша, посмотри по сторонам.

А мне некогда головой вертеть, я же по приборам лечу, сижу, уткнувшись в приборную доску. Но крик Саши и странные хлопки, словно кто-то надутыми пакетиками хлопает, заставили меня поднять голову. Вижу, от нашей «уточки» – так мы любовно свой У-2 называли, огненные вспышки и искры в разные стороны рассыпаются. Немцы по нам прицельный огонь ведут, да попасть не могут. Воздух так пропитался сажей, что стал чернее самой черной южной ночи. Такого еще никогда не было, – подумала я и снова в свои приборы уткнулась.

Когда мы благополучно приземлились на базовый аэродром, то были похожи на шахтеров, вышедших из забоя. Смотрели с Шурочкой друг на друга и смеялись. Так и пошло у нас с ней с тех пор: если вначале тебе очень страшно, то потом будет очень-очень смешно.

А однажды из-за поломки самолета пикировала я с четырех тысяч метров до ста шестидесяти. Чудом удалось мне тогда посадить машину. Когда я шла на посадку, дома были выше меня. Нужно было проявить особое мастерство, чтобы не задеть ни одну крышу. Да и приземлялась я не тем курсом, не с той стороны. На земле все переполошились, думали – немцы атакуют. А когда поняли, что свой самолет прилетел, дежурный закричал что есть сил:

– У тебя еще и бомбы висят, бомбы! Ты, ведьма проклятая, могла нас всех угробить! Угробить...

– Настоящие «Ночные ведьмы» бомбы сбрасывают только на неприятеля, – спокойно ответила я. Устранила неполадку и полетела дальше.

Мария Николаевна улыбнулась.

– Полеты, полеты... Похожие и разные, опасные, напряженные. Каждый полет был испытанием на летное умение, мужество, находчивость, выдержку. Летишь каждый раз, как на самый трудный экзамен, и не знаешь, какой билет сегодня вытянешь.

Особенно мне запомнился шестидесятый боевой вылет. Мы тогда со штурманом Олей Голубевой вылетели в район Керчи. Обстановка сложная, сведений о расположении противника почти нет, поэтому высота бомбометания была задана более тысячи метров.

Мы вышли строго на цель, но тут нас ухватили сразу три прожектора. Отбомбиться мы, правда, успели. Теперь надо было уйти. Я начала крутить самолет сначала вправо, потом влево, резко меняя курс. Но фрицы не выпускали нас из зоны прожекторов, да еще и артобстрел

¹³ Мария Николаевна Попова погибла при пожаре в собственной квартире 31 октября 2003 года. Ей было 86 лет. Она была необыкновенной женщиной. С первых же минут общения собеседник был очарован ею. Рассказы Марии Николаевны можно было слушать до бесконечности. В книгу вошла лишь малая часть того, что поведала мне Мария Николаевна за полгода до смерти.

начали. Тогда я решила направить самолет с резким снижением в сторону моря, начала пикировать.

Немцы нас потеряли. Прожекторами еще немного пошарили по пустому небу, но нас не нашли. Зенитчики, правда, стрельбу не прекращали, палили в темноту наугад.

Мы вышли из зоны огня в районе Керченского пролива. Море всегда такое ласковое и спасающее от вражеских зениток и прожекторов, показалось мне грозным, холодным, неприветливым. Нам нужно было дотянуть до берега на поврежденной машине. Дотянуть, во что бы-то ни стало.

Экипажи, видевшие наше резкое снижение, решили, что мы погибли. Но командир полка Евдокия Бершанская не поверила. Она приказала зажечь посадочные огни и ждать. Через двадцать минут после положенного времени вернулась наша «двойка». За этот полет нас потом наградили орденами.

– А много у вас наград? – поинтересовалась Оля.

– Два Ордена Отечественной войны I и II степеней, Орден Красного Знамени, медали за оборону Киева и победу над Германией.

Было у меня и взыскание за невнимательность и неосмотрительность при посадке. Я случайно врезалась в дерево и поцарапала крыло самолета. Меня держали трое суток под арестом, а потом еще три месяца высчитывали по двадцать пять процентов из зарплаты за эту злополучную царапину на крыле.

Но это все были досадные мелочи, на которые не следовало обращать внимания. Главное было предчувствие конца войны. В воздухе запахло весной и свободой.

В 1945 году мужской и женский полки объединили в одну дивизию. Мы снова встретились с Толей. Встретились, чтобы уже не расставаться.



Толя уговорил меня пойти в штаб армии, чтобы получить разрешение на брак. Я очень волновалась, боялась, что откажут нам. Но седовласый командир армии увидев наши счастливые лица, без проволочек выдал разрешение.

Окрыленные, мы вышли из штаба Армии на улицу, пахнущую свежей листвой. С противоположной стороны, к нам метнулся заплаканный немец. Он принялся о чем-то нас просить. Я так растерялась, что не сразу поняла его слова. А он просил у нас несколько монеток, чтобы

купить лекарства для своей больной фрау. У немца были только марки, которые не принимал аптекарь поляк. Аптекарь требовал польские злотые, отвергая деньги оккупанта. Немец был вне себя от горя.

– Толя, пожалуйста, дай ему денег, – попросила я.

– С большим удовольствием, битте, – проговорил Толя, протягивая немцу все свои деньги.

Немец взял ровно столько, сколько требовалось – двадцать злотых, расцеловал мне обе руки и помчался в аптеку. Немецкая фрау была спасена. А нам с Толей предстояла недолгая разлука. Его переводили в польский город Калиш. Перед отъездом мы сыграли грандиозную свадьбу, гостями на которой были все наши однополчане.

Жизнь потихоньку начала налаживаться, приобретая живые, весенние, яркие краски. В Калише Толя нашел комнатку в доме у милой старушечки пани Кишковской, которая сносно говорила по-русски и была рада приютить нас у себя. Пани стала нашей польской мамой, на некоторое время заменив нам родных, по которым мы безумно скучали.

В день нашего отъезда домой пани Кишковская встала чуть свет, чтобы испечь мини-атюрные сдобные булочки. Ей очень хотелось побаловать нас чем-то вкусеньким, а заодно и отблагодарить нас за полный сарай угля, который мы для нее заготовили.

Маленькая старушечка долго-долго бежала за грузовиком, увозящим нас из Польши. А я прижимала к груди теплые булочки, пахнущие корицей, и не могла сдержать слез.

Я до сих пор помню маленькую, милую пани Кишковскую, которая всегда была чисто и аккуратно одета, безукоризненно причесана. Свои длинные, побелевшие от страданий волосы она укладывала каким-то замысловатым образом. Серые, живые, любознательные глаза пани Кишковской всегда светились неподдельной радостью. От этой милой, улыбчивой старушечки исходило такое тепло и обаяние, что мы с Толей постепенно забыли о тяготах войны, о потерях и утратах, почувствовали себя по настоящему счастливыми.

Мария Николаевна улыбнулась, провела рукой по своим седым волосам, сказала:

– У меня теперь волосы такого же цвета, как у пани Кишковской. Да и лет мне столько же, сколько было тогда ей. Я тоже превратилась в милую старушечку, которой посчастливилось встретить в жизни немало хороших людей. И еще я сделала очень важный вывод: в любом возрасте есть свои преимущества, потому что с годами мы становимся мудрее, опытнее, спокойнее и начинаем внимательнее относиться к другим, учимся слушать и слышать.

– А мне кажется, что возраст давит на плечи, заставляя людей пригибаться к земле, – проговорила Оля.

– Если человек честен, то его ничто не может согнуть, – возразила ей Мария Николаевна. – Нас сутолят и уродуют плохие поступки и плохие мысли. Оставайся всегда доброй. Научись дарить любовь, уважай других. Порой людям не хватает целой жизни, чтобы постигнуть простую науку – науку любви. А постигать эту науку нам всем просто необходимо.

Я до сих пор дружна с мамой моего первого мужа Петра. Мы общаемся с Татьяной – первой женой Анатолия. Ее дети бывают у нас. А трехлетняя внучка Лялочка всегда передает боевые приветы бабе Мане из Лобни и рассказывает знакомым и не знакомым людям, что у нее есть бабушка, которую зовут: «Добрейшая Ночная Ведьма», потому что она во время войны летала на «уточках».

Оля рассмеялась, представив, как удивительно звучат в устах ребенка эти слова: «Добрейшая ведьма, летающая на уточке», спросила:

– Мария Николаевна, а после войны вы летали?

– Да. В 1947 году Толю перевели в Иркутск, и я тоже стала проситься на летную работу. Пилотов катастрофически не хватало, поэтому меня и взяли.

Летали мы с Толей в разных экипажах. Он никак не хотел мириться с тем, что у него жена авиатрисса. Все уговаривал меня приземлиться, заняться домашним хозяйством. А я не могла

себе представить жизни без полетов, без неба, без неповторимой красоты и очарования, которую на земле увидеть невозможно. К тому же мой диагноз – «больна небом» – был неизлечим. Только за штурвалом я чувствовала себя совершенно счастливой.

География наших полетов была такой: Киринск, Витим, Бодайбо, поселок Мама. Туда везли пассажиров, а обратно слюду, золото, драгоценные металлы. Тогда в самолетах сидения представляли собой откидные металлические лавки, закрепленные вдоль бортов. Пассажиры сидели друг против друга, держа свой багаж между ног. Когда рейс заканчивался, лавки прижимали к бортам, освобождая место под груз. И обратно мы уже летели, как грузовой самолет.

Подлетаем однажды к Батайску, снижаемся по глиссаде, видим, чуть в стороне гроза полыхает, дождь проливной хлещет, а прямо перед нами ясное, чистое, словно умытое небо, будто природа к нашему прилету генеральную уборку сделала. Красота!

Бывали и неприятные случаи. Зимой мы с командиром Николаем Меловым попали в сильную снежную бурю. Самолет обледенел и начал падать. Падали мы с высоты три тысячи метров. У командира шок. Он вцепился в штурвал и окаменел. Решений никаких не принимает. Молча смотрит в одну точку. Наверное, мысленно со всеми родными попрощался. Высота уже дошла до критической отметки – сто метров...

Я не выдержала, рванула штурвал на себя, самолет резко пошел вверх. Поднялись до девятисот метров, выше лезть не стали. И потихонечку долетели до аэродрома. Полет завершился благополучно, все остались живы. А Толя после этого рейса мне ультиматум выдвинул: «Или семья, или полеты». Пришлось мне с полетами расставаться.

Так в 1948 году превратилась я из авиатриссы в маму. Через несколько лет перебросили нас в Магадан. Жили мы на реке Дукча, которая впадает в Веселую бухту. Наш сын Виктор пошел в школу, а я пошла работать авиадиспетчером.

Работалось мне легко. Все пилоты мои команды беспрекословно выполняли, побаивались «Ночную ведьму». А когда в 1959 году началось строительство аэропорта Шереметьево, Толю перевели в Москву и сразу назначили старшим диспетчером авиационно-диспетчерской службы. Для меня тоже работа нашлась. Я стала диспетчером информационной службы. А в 1967 году получила предложение возглавить новую службу бортпроводников.

– Подумать только, – рассуждала я тогда, – выходит, что профессия стюардесс появилась на девятнадцать лет позже профессии авиатрисс! Первой стюардессой стала американка Элен Черч Маршал в 1930 году. А в России первой стюардессой стала Эльза Городецкая в 1933 году. Несколько месяцев она была единственной русской стюардессой. Все остальные девушки боялись высоты и тяжелого труда. Ведь первые стюардессы должны были носить багаж пассажиров, гонять в салоне мух, не забывать вытряхивать пепельницы. А пассажиры усаживались в плетеные, складные кресла-шезлонги и периодически поглядывали за борт, любовались красотами земли.

После этого прошло более тридцати лет, прежде чем появилась целая служба бортпроводников, которую мне и предложили возглавить. Было это 11 июля 1967 года. Я с радостью согласилась. В моем подчинении было сто восемьдесят человек. Летали мы на самолетах Ил-18, Ту-104 и Ту-114.

В это время встал вопрос о лётной форме, которая в первую очередь должна быть практичной, удобной, ноской, а потом уже отвечать призывам «Доверьтесь нам» и «Любуйтесь нами». Много времени тогда у нас уходило на подгонку и примерки формы. А пальто и шапки – вообще отдельная статья. Деньги в бухгалтерии на все приходилось выбивать с боем. Но я не отчаивалась. Говорила девчатам:

– Я в бомбометании ас, шестьсот сорок боевых вылетов сделала, поэтому не отступлю, пока денег не дадите, – рассмеялась. – Кстати самая первая форма бортпроводников появилась в 1954 году. До этого единой формы не было. Эльза Городецкая вспоминала, что одевались они

сами, как могли, но всегда старались выглядеть элегантно, понимая, что они – неотъемлемая часть сервиса на борту.

Поняли это и в Министерстве транспорта. Решив, что именно по форме пассажиры будут узнавать бортпроводников, как работников воздушных судов, разработали единую форму. Это был тёмно-синий бостоновый костюм, приталенный пиджак на одной пуговице, белая блузка, юбка до колен со складкой впереди. Была еще пилотка – точная копия солдатской только тёмно-синего цвета. Девчатам она не очень нравилась. Да и с бостоном были проблемы. Ткань лоснилась, и ее нужно было постоянно отпаривать. Выдавали пальто свободного покроя с поясом и подстёжкой такого же тёмно-синего цвета, как костюм. Бортпроводники в шутку называли его «семисезонным». Отстегнул подстёжку у тебя пальто, пристегнул – шуба. И воротничок «под котик» тоже съёмный. Фетровая шапочка оторочена впереди мехом и ботинки с мехом на невысоком каблучке. Еще девчатам полагался плащ синего цвета с подкладкой в бело-синюю клеточку.

В начале семидесятых Министерством гражданской авиации было принято решение форму обновить. У стюардесс появились драповые малиновые костюмы, который они носили и зимой и летом. Узкая юбочка по колено, пиджак – френч, без воротника, под ним синяя косоворотка. Фетровая синяя шляпка, перчатки и туфли. Обслуживали питанием в фартуках с ярким орнаментом в русском народном стиле. Девчата надевали их и говорили:

– Мы похожи на «ансамбль Игоря Моисеева» в этих фартуках.

А пассажирам нравилось. Ярко, красиво, по-русски, но...



В середине семидесятых форму снова изменили. В моду вошел кримплен, вот и одели стюардесс в темно-синие кримпленовые костюмы. В парадный вариант добавили белую оторочку. Для полётов в жаркие страны выдавали два платья с короткими рукавами – синего и красного цвета. И для обслуживания питанием фартуки красный и синий. Красивое сочетание синего с красным пришлось по душе не только девчатам, но и пассажирам.

А накануне XXII Олимпиады, Олимпиады-80, как мы ее привыкли называть, появилась форма, которую ты сейчас носишь.

– Мы костюм в серую мелкую клеточку «кристиан диор» называем, – сказала Оля. – Удобная форма: юбка хорошей длины, жилетка придает стройность фигуре. Ткань не мнется, хорошо стирается. Да и синий костюм хороший. Фартуки у нас теперь персикового цвета. Пальто у нас с колонковым воротником и шапка из колонка.¹⁴

¹⁴ 23 декабря 1986 года форму бортпроводников Международных воздушных линий вновь изменили. Следующее изменение произошло в 1995 году. Модельером выступил Валентин Юдашкин. В начале двухтысячных годов бортпроводники носили форму от Виктории Андреевой, а сегодня это уже другая форма ярко морковного цвета летом и чёрного зимой.

– Богатство, – рассмеялась Мария Николаевна. – А каблук какой?

– Средний, – ответила Оля. – В рейсе можно переобуться в туфли на низком каблучке. Наши тележки на шпильках не довезешь.

– Это точно. Я про каблуки еще в шестидесятые годы говорила, когда вышло постановление Министерства транспорта ходить на высоких каблуках. Мои доводы о том, что трёхъярусную тележку катить на шпильках по ковровым дорожкам – труд невероятный, никого не убедили. Зато тележки сделали компактными и легкими.

– Тележки, да. А вот коробка с контейнерами – ужас. Везешь его и улыбаешься, чтобы никто из пассажиров не понял, как тебе трудно. Вспоминаешь слова Лопе де Вега о том, что лицо человека – это самая занимательная поверхность, и стараешься изо всех сил быть королевой.

– Быть королевой сложная задача, ты права. И под силу она не всем. Много лет назад наши девчата все выдержали, а сегодня они вас обучают мастерству, вводят в профессию, как говорится. А в первое время мне самой приходилось бортпроводниц учить. Многие из них не понимали, что работа с людьми да еще в воздухе, требует особого подхода. Если пассажир расстроен, нужно отнестись к нему с сочувствием. Если грубит, быть осторожно вежливой. Если упрям, быть выдержанной. Если пассажир кричит, тебе нужно говорить спокойно, медленно, понизив голос. Нужно объяснить ему, что вопрос решаем и сердиться незачем.

Помни, что бортпроводник – уникальная профессия. Ты в замкнутом пространстве, в воздухе выполняешь то, что и на земле не каждый сможет сделать. Будь всегда на высоте! Наставляла а своих стюардесс.

Но пока я занималась воспитанием бортпроводников за моей спиной велась закулисная возня, о которой я даже не подозревала. Мне и в голову не могло придти такое, что выдумывали другие: то главному бухгалтеру подавай пальто как у стюардессы. То его заму срочно нужны английские лекарства... Разумеется, за все эти блага должен заплатить «дядя», то есть бортпроводник. Меня такие просьбы-пожелания возмущали до глубины души. Не привыкла я жить за чужой счет, никогда чужого не брала, да и другим не позволяла...

Короче нажила себе врагов. Начались проверки, которые, разумеется, никаких огрехов в работе службы бортпроводников не нашли. Наоборот, члены комиссии удивлялись, как это мы умудряемся так честно работать, когда все пропитано ложью, взяточничеством и завистью. Разводя руками, комиссия уезжала. Но следом за ней приезжала другая, не верящая в то, что можно работать честно. Наконец мои «доброжелатели» нашли таки изъян: Попова не знает английского языка, значит, не может руководить международной службой бортпроводников. Ура!

Вот так закончилась моя жизнь в Аэрофлоте. В очередной раз я с небес опустилась на землю, в прямом и переносном смысле. Но я не унывала, потому что у меня теперь была более важная профессия – бабушка. Я занялась воспитанием своего единственного внука Шурика.

Всю жизнь я стараюсь находить плюсы во всем, что с нами происходит, понимая, что главное – не лениться, искать и не пасовать перед трудностями. Мудрые слова сказал Теннисон: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Наверное, это и есть кредо всей моей долгой, интересной жизни.



– Теперь твой черед рассказывать о жизни, моя милая Олечка, а я буду внимательно слушать, – Мария Николаевна улыбнулась. – Итак...

– Мы не виделись с Александром почти год. За это время я, благодаря вам, попала на курсы бортпроводников. Учеба так захватила меня, что я обо всем на свете забыла, – начала свой рассказ Оля, мысленно возвратившись, на пять лет назад. Это возвращение было волнующим, томительным и одновременно желанным, потому что о стране прошлого мы всегда знаем гораздо больше, чем о стране будущего.

– Летом нас отправили на практику во Внуково. Я ужасно волновалась, потому что никогда прежде не летала на самолетах. А еще я волновалась, потому что должна была выйти в салон, к пассажирам. Руки у меня дрожали, стаканчики прыгали, пассажиры смотрели на меня во все глаза, я глупо улыбалась и шла вперед по салону, не различая лиц. Какой-то пассажир неловко протянул руку и, поднос с минералкой полетел ему на голову.

– Был грандиозный скандал? – поинтересовалась Мария Николаевна.

– Нет, – засмеялась Оля. – Этим пассажиром оказался Александр. Он принялся говорить милые глупости, заявил, что решил жениться только на той стюардессе, которая оболъет его, а в заключение своей пламенной речи прочел мне стихи Роберта Рождественского:

...Я уехал от тебя,
Но однажды вдруг вошла
В самолет летящий ты
И сказала: Знаешь, что,
Можешь не улетать,
Потому что у тебя из этого
Ничего не получится...

Потом мы с ним гуляли по Ташкентскому базару...

Оля вспомнила смешного старичка со скрипучей детской коляской, в которой нагло развалились лысые персики. Воспоминания закружили ее, пропитали каждую клеточку сладковатым персиковым нектаром. Она улыбнулась, сказала:

– До встречи с Александром мне казалось, что я знаю и могу все, все, все. Но наша встреча изменила мою жизнь. Рядом с ним я чувствую себя аборигеном, попавшим в цивилизованное общество. Мне порой кажется, что мой муж Александр Карельский – это целая вселенная, которую я никогда не смогу постигнуть. Он так фантастически ухаживает, что любой день рядом с ним превращается для меня в праздник. Мне кажется, что я становлюсь другим человеком. Такое возможно?

– Конечно, возможно. Мы все постепенно становимся другими, потому что сначала мы учимся быть молодыми, потом познаем премудрости взрослой жизни и, наконец, учимся быть пожилыми. Быть пожилыми – это тоже целая наука, постижение которой у тебя еще впереди. Пока же тебе следует наслаждаться премудростями взрослой жизни.

– Как вы верно сказали: «Наслаждаться!» Мы с Александром и правда наслаждаемся жизнью. Представляете, он необыкновенный романтик, фантазер, влюбленный в горы. Однажды утром Саша достал рюкзак и сообщил, что пришла пора покорять горные вершины. Но оставлять меня без присмотра он не желает, поэтому мне следует надевать штормовку и следовать за ним. Я с радостью согласилась, хотя, если признаться честно, не очень-то хотела тащить тяжеленный рюкзак. Но показать Александру свою изнеженность мне хотелось и того меньше. Я же всегда утверждала, что все-все могу, что непременно со всем справлюсь. Отступить было нельзя.

Решив, что справиться с такой простой ролью «ах, как я счастлива, дорогой» мне будет совсем нетрудно, я взяла рюкзак, надела штормовку и пошла вместе с Александром покорять горные вершины. Однако роль оказалась не из легких. Но я продолжала лучезарно улыбаться и говорить, что бесконечно счастлива и благодарна, думая лишь об одном: «Скорей бы это все закончилось».

Но когда мы наконец-то поднялись на вершину горы, я поняла, что по-настоящему счастлива. Мы стояли на ровной площадке и любовались восходом. Сквозь чистый горный воздух были видны мельчайшие детали ландшафта. Причудливые тени лежали на горных склонах. Отвесные шпили то появлялись, то исчезали за облаками.

Когда облака рассеялись, мы увидели величественный пик, упирающийся в небо. Пока я замороженно рассматривала вершину, Саша рассказал мне такую легенду.

Давным-давно, жил князь-гора Таранаки, который постоянно сражался с воином-горой Тонгараки. Никак они не могли поделить деву-гору Пиханой. В одном из боев победил Тонгараки, поэтому Таранаки пришлось отступить на запад. Уходя, решил он прорубить ущелье, которое сразу же заполнил сверкающий ледник.

С той поры на вершине горы и ледника отдыхают белые облака, отражаясь в хрустальной, голубой воде маленького озера. Если внимательно присмотреться к леднику, то можно увидеть фигурки в белых одеждах. Это замерзшие души отверженных влюбленных...

Я присмотрелась к ледниковому языку и увидела шпили из смерзшегося снега высотой в человеческий рост. У меня даже мурашки побежали по коже, потому что причудливые ледяные фигуры действительно напоминали людей в белых одеждах.

А ночью, когда луна осветила ледник, создалось впечатление, что фигуры движутся вверх, к вершине, к облакам, к небу, чтобы найти утешение.

Потом, правда, Саша объяснил мне, что фигуры изо льда образуются в результате электризации ультрафиолетом сухого воздуха. Подтаявший за день снег ночью начинает замерзать, а электрическое поле заставляет ледяные кристаллы располагаться перпендикулярно магнитным силовым линиям Земли, создает эффект движения.

Но мне хотелось верить, что это не ледяные кристаллы, а безутешные влюбленные, потому что весь окружающий ландшафт был пропитан романтикой. Вертикальные каменные стены гор устремлялись ввысь. Тут и там, ухватившись за уступы и втиснувшись в расселины, прятались маленькие деревца.

– В облике гор поэты и художники могут найти четыре главные красоты: первая – скалы и горные вершины, вторая – похожие на изваяния деревья, третья – необыкновенный горный воздух, дающий живительные силы и четвертая – море облаков, – сказал Александр, показав мне на причудливые облака.

Облаков было так много, словно они нарочно собрались в одном месте, чтобы продемонстрировать нам свой танец вокруг горной вершины. Они кружились, закрывая горы непрозрачной вуалью, а потом разлетались в разные стороны, выставляя на всеобщее обозрение холодную каменную красоту. Лучи восходящего солнца заставляли горы покрываться румянцем.

Но это еще не все чудеса, которые я видела в горах. Однажды, миновав перевал, мы попали на покрытое снегом пространство. Было странно и удивительно увидеть снег, когда на улице плюс двадцать пять.

– Почему снег не тает? – проговорила я и сделала шаг.

Снег зашевелился под моими ногами и начал волнообразно подниматься вверх. Я даже перестала дышать, потому что вдруг поняла, что это вовсе не снег, а бабочки! Туча белых бабочек вспорхнула с земли, поднялась вверх и растаяла.

Такой красоты я не видела прежде. Зато теперь мне стоит закрыть глаза, чтобы увидеть сотни белых бабочек, кружащихся над головой.

Однажды был и неприятный случай: мы попали под сильнейший ливень, когда находились на отвесной скале. Спрятаться было негде. Струи дождя хлестали нас своими холодными плётками, стараясь вымочить до нитки. Ветер бушевал с такой силой, словно хотел сбросить нас вниз на острые камни, похожие на акульи клыки. Минут тридцать мы боролись с налетевшей стихией. Когда силы были уже на исходе, шквал ветра неожиданно утих, выглянуло ласковое солнце. Мы с трудом выбрались на ровное место, развели костер, вытряхнули из рюкзаков промокшие до нитки вещи. Просушка заняла целые сутки. Мы тогда порадовались, что наш сын Артемка остался дома.

– У меня такое впечатление, что я разговариваю со скалолазкой, а не со стюардессой, – засмеялась Мария Николаевна.

– Во мне чудесным образом уживаются два существа: земное и небесное. Наверное, потому что наши тела земные, а души крылатые. Поднимаясь в небеса, я забываю о земных проблемах. Живу этим мгновением, как будто в нем целая жизнь. Парю волшебной феей в воздухе. Нет, не феей, а бабочкой. Да-да, белой бабочкой одной из тех, которые вспорхнули из-под моих ног там, на горе, – сказала Оля. – А на земле я снова превращаюсь в смешную девочку в кепочке, любящую пошалить.

Однажды в горах был такой смешной случай. Нас с моей подругой Светкой поселили в продуктовую палатку, строго-настрого наказав, ничего не брать. Мы честно старались не смотреть на рюкзаки с продуктами, долго боролись с чувством голода, а потом все же решили съесть по шоколадке. Но только мы зашуршали оберткой, в палатку вошел Командор руководитель восхождения. Он воткнул руки в боки и приказал нам немедленно убираться вон из продуктового блока. Ночь мы провели под открытым небом, наблюдая, как падают звезды. На нарисованный замок, который повесил Командор на палатку, нам смотреть не хотелось.

Утром Командор прочел обвинительную речь в наш адрес. Мы почувствовали себя врагами народа и дали честное слово, что никогда, ни при каких обстоятельствах больше чужого не возьмем и про шоколад навсегда забудем... Ой, Мария Николаевна, я вас совсем заговорила, – всполошилась Оля.

– Милая деточка, мне было очень приятно с тобой побеседовать. Но боюсь, что мне уже пора, – она глянула на часы и, покачав головой, добавила:

– Время неумолимо бежит вперед. Неизбежно приходит пора прощаний. Если захочешь, то запросто сможете поболтать со мной по телефону или даже зайти в гости.

Мария Николаевна написала свой телефон и адрес, вырвала из блокнота лист и протянула Оле со словами: «Звони, милая».

Оля дала себе слово, что в самое ближайшее время позвонит, но снова обстоятельства оказались сильнее.

Их следующая встреча с Марией Николаевной произошла лишь через пятнадцать лет...

Работа



Работа в службе бортпроводников была совсем не похожа на работу в проектом институте. Вместо одного милого начальника Геши – Геннадия Борисовича Оля должна была подчиняться сразу нескольким начальникам: начальнику службы, парторгу, начальнику отделения, инструктору, диспетчеру. Порой приказы всех этих людей были настолько несогласованными, что выполнить их не представлялось никакой возможности.

Сколько раз хотелось Оле бросить все и вернуться к чертежным доскам, чтобы в полной тишине изобретать детали. Но неизменно это желание заглушал звук взлетающего самолета. Оля поднимала лицо к небу и улыбалась, зная какой работой заняты сейчас стюардессы, в пролетающем самолете.

– Нет, – говорила сама себе Оля, – никуда я не уйду. Ведь я же самая настоящая небесная принцесса, и мое место на небесах.

Однажды Оля заболела ангиной, и добрая врач отряда радостно сообщила ей:

– Вот ты и попала на крючок, крошка! Теперь весь год будешь ежемесячно кардиограмму делать и все анализы сдавать.

– Зачем? – удивилась Оля. – Мы же и так четыре раза в год медицинскую комиссию проходим.

– Комиссия здесь ни при чем. А вот ангина – самая опасная болезнь для бортпроводника, – без тени улыбки заявила врач. – Аэрофлот по всему миру летает, а ты ангиной людей заражать собралась. Попадут твои бактерии на поднос с питанием, что тогда?

– Но я же больная не летаю, – возразила Оля. – Потом, насколько мне известно, ангина воздушно-капельным путем не передается. А ложки пассажирские я не облизываю.

– Не умничай тут, – рассвирепела добрая женщина. – Не забывай, кто ты и кто Я! Анализы будешь еженедельно сдавать. Скажи спасибо, что я тебя на землю не списываю, а только к психиатру направляю.

– Зачем? – поинтересовалась Оля, хотя чувствовала, что вредит себе подобным вопросом.

– Людмила, – обратилась добрая врач к медсестре, – направь ее заодно к окулисту, стоматологу, лору и хирургу, пусть выяснят, чем она еще больна. Ой, я совсем про дерматолога забыла. Ангина ведь может дать кожные высыпания. Направляй ее к дерматологу.

Оля вспомнила толстую тетю Люсю – жену дяди Коли и мысленно сказала сама себе:

– Ты забыла, милая глупышка, что взрослые не любят, когда им говорят правду. Они любят ложь, лесть и низкопоклонство. Исключения из правил категорически не допускаются. Это нонсенс!

– Не забывай, милая, что мы заботимся о твоём здоровье, – улыбнулась добрая женщина. – Иди, мы теперь с тобой часто видеться будем...

Оля сидела в сквере перед зданием медицинского корпуса и размышляла о несправедливости, которая липкой, сладкой жижей растекается по фарфоровому блюду.

Потом умные люди объяснили ей, что «ласковый теленок двух мамок сосет», что за каждый плащ комиссию может пройти безрукий, безногий и даже безголовый. Но Оля, с детства не любившая подхалимаж, упорно ходила сдавать анализы, четко уяснив одно: больше диагноза «ангина» у нее не будет никогда.

Оля вообще больше не болела с тех пор. Наверное, выработался стойкий иммунитет на болезни или на врачей добрых, заботливых, внимательных.

Когда было трудно, Оля повторяла магическую фразу: «Я – самая настоящая стюардесса!» и смело шла сдавать зачеты осенне-зимнего и весенне-летнего периодов: ОЗП и ВЛП. На этих зачетах строгая партийная комиссия задавала вопросы, связанные с международной обстановкой, внимательно проверяла конспекты всех съездов партии, начиная с двадцатого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.